

Когнитивная лингвистика

Избранные статьи

Содержание

Коммуникативное и когнитивное сознание	2002	с.2
Лакуны и концепты в аспекте национальной специфики языка и мышления	2004	с.7
К проблеме лакунарности концептов	2006	с.17
Концепт и значение	2006	с.19
Структурная организация концепта	2007	с.27
Теоретические основания семантико-когнитивного подхода к языку	2007	с.30
Когнитивная семасиология и лингвоконцептология	2007	с.32
Понятие когнитивной интерпретации	2007	с.33
Структура концепта	2008	с.37

Коммуникативное и когнитивное сознание

Для современной психолингвистики, а также коммуникативной и когнитивной лингвистики представляется актуальным вычленение и исследование такой категории как *коммуникативное сознание*.

Понятием *сознания* оперируют практически все гуманитарные и значительная часть естественных наук, хотя это понятие относится к наиболее трудно определяемым понятиям современной науки. При этом в науке пока нет четкого разграничения терминов *мышление* и *сознание*. Эти понятия трактуются по-разному, иногда противопоставляются друг другу, иногда употребляются как синонимы. В нашем понимании термин *сознание* в принципе акцентирует статический аспект явления, а мышление – *динамический*. Сознание – это свойство мозга, мышление – это деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность). Именно в этом аспекте нам представляется возможным разграничить *мышление* и *сознание*, раз уж существуют эти два термина. В данной работе мы сосредоточимся на изучении *сознания*.

В философской и психологической литературе *сознание* определяется как свойство (функция) высокоорганизованной материи - мозга, заключающаяся в способности человека отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов. При этом отмечается, что мыслительные образы сознания определяют целесообразную деятельность человека, сознание регулирует взаимоотношения личности с окружающей природной и социальной действительностью, дает возможность личности осмыслить собственное бытие, внутренний духовный мир и позволяет совершенствовать действительность в процессе общественно-практической деятельности.

Слово *сознание* считается в современном языке многозначным. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А.Кузнецова (СПб, 1998) определяет сознание так:

1. Человеческая способность воспроизведения действительности в мышлении.
2. Восприятие и понимание окружающей действительности, свойственные человеку; мыслительная деятельность, ум, разум. // Способность осмысленно воспринимать действительность (потеря сознания)
3. Понимание, осознание человеком, группой людей общественной жизни; взгляды, воззрения людей как представителей общественных классов, слоев.
4. Ясное понимание, осознание чего либо, мысль, чувство, ощущение чего-либо (сознание долга).
5. разг. Сознательность (Где твое сознание?)

Нетрудно заметить, что все значения, включая пятое, в равной степени относятся к сознанию как отражению действительности и просто раскрывают разные его стороны. Многозначность данного понятия мнимая.

Современные представления о сознании исходят из множественности видов и форм сознания.

Можно выделить следующие виды сознания:

по предмету мыслительной деятельности (сфере приложения сознания) различают политическое, научное, религиозное, экологическое, бытовое, классовое, эстетическое, экономическое и др.;

по принадлежности субъекту сознания различают гендерное, возрастное, социальное (профессиональное, гуманитарное, техническое), личное, общественное, групповое и т.д. сознание;

по степени сформированности различают развитое и неразвитое сознание;

по принципу, лежащему в основе сознания, различают глобальное, демократическое, консервативное, прогрессивное, реакционное и т.д. сознание;

по обеспечиваемому навыку, виду интеллектуальной деятельности, обеспечиваемому сознанием – креативное, техническое, эвристическое, художественное и т.д.

Возможна и дальнейшая классификация, что, однако, не входит в данный момент в наши задачи. Все эти виды сознания являются видовыми разновидностями «сознания вообще», или «просто сознания», рассматриваемого глобально, комплексно. Сознание «вообще» предлагается назвать *когнитивным*, подчеркивая его ведущую «познавательную» сторону – сознание формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта.

Исследования национального сознания в его связи с языком имеет богатую лингвистическую историю – В.Гумбольдт, В.Вундт, А.А.Потебня, этнолингвисты, Л.Вейсгербер и др.

Последнее время все более широкое распространение получает понятие «языковое сознание», оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др., ср.: Этнокультурная специфика языкового сознания. М. 1996; Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998; Языковое сознание и образ мира. М., 2000 и др. Укажем также на исследования в этой области, опубликованные в тематических сборниках «Язык и национальное сознание» (вып.1, Воронеж, 1998; вып.2, Воронеж, 1999, вып.3, Воронеж, 2002, а также в коллективной монографии «Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии». Воронеж, 2002).

Каково соотношение понятия *языковое сознание* и *когнитивное сознание*?

Языковое сознание описывается в настоящее время как новый объект психолингвистики, сформировавшийся в последние 15 лет (Языковое сознание и образ мира 2000, с.24). Отметим, что понятия сознания и языкового сознания в лингвистике и психолингвистике, а также в культурологии до сих пор часто употребляются недифференцировано, нередко как синонимы.

Так, в одной из первых специальных работ по проблеме языкового сознания (коллективная монография «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» под ред. Е.Ф. Тарасова, вышедшая в Институте языкознания РАН в 1993 г.), научный редактор констатирует: «в монографии «языковое сознание» и просто «сознание» используются для описания одного и того же феномена – сознания человека» (с.7).

В настоящее время такой подход уже остался в прошлом, и многие исследователи указывают, что между сознанием и языковым сознанием нельзя ставить знак равенства. Можно сказать, что понятие языкового сознания прошло за последние десятилетия определенную эволюцию. Т.Н.Ушакова совершенно справедливо отмечает, что понятие языкового сознания полезно и перспективно для исследования соотношения психики и речи, однако в настоящее время имеет оно достаточно широкое и неопределенное «референтное поле», подчеркивая, что это «таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный» (Языковое сознание и образ мира 2000, с.22).

В 2000 году Е.Ф.Тарасов уже дифференцирует сознание и языковое сознание, определяя последнее как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей (Языковое сознание и образ мира 2000, с.26).

Отметим, однако, что в данном определении совмещены два аспекта – формирование сознания и его овнешнение, что далеко не одно и то же. Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется *при участии* языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само

сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется на универсальном предметном коде (Н.И.Жинкин, И.Н.Горелов).

Что касается овнешнения сознания языком, то язык в этом случае обеспечивает возможность обмена информацией в обществе и делает содержание сознания доступным для наблюдения, но факт овнешнения сознания языком в целях коммуникации не может свидетельствовать о наличии некоторого особого языкового сознания – овнешняется когнитивное сознание, которое не приобретает при этом какого-либо особого «языкового» статуса.

На неудачность выражения «языковое сознание» обращал внимание в 1993г. А.А.Леонтьев: «эпитет «языковой» в словосочетании «языковое сознание» не должен вводить нас в заблуждение. К языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет. Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру – значит попадать в порочный круг» (Язык и сознание: парадоксальная рациональность 1993, с.17).

Термин «языковое сознание» для обозначения факта овнешнения сознания языком не может быть признан плодотворным. Он не дает в этом случае какого-либо нового понимания проблемы и не обнаруживает какой-либо специфики «языкового сознания».

Вместе с тем, в лингвистике и психолингвистике до сих пор не терминологизированы психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека, совокупность знаний человека о своем языке. Мы полагаем, что именно эти механизмы и знания представляют собой языковое сознание человека. В таком случае традиционная лингвистика изучает именно языковое сознание – правила употребления языка, нормы, упорядоченность языка в сознании и т.д., но *не отдавая при этом отчета в психологической реальности выполняемых описаний*.

На каком-то этапе этого было достаточно, но на современном этапе именно коммуникативное, антропоцентрическое направление в лингвистике стало доминирующим, и это произошло потому, что возник закономерный интерес к языку, функционирующему в реальной коммуникации, а не к мертвому, абстрагированному от носителя языка, отраженному в словарях и грамматиках. Это и привело к развитию исследований в области психических механизмов языка и коммуникации – ассоциативно-вербальных сетей (Караулов), ассоциативных полей и др.

Таким образом, под *языковым сознанием* (в другой терминологии - *языковое мышление, речевое мышление*) – предлагается понимать совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть *психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности* человека. Этими проблемами занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика (ср. Языковое сознание и образ мира 2000, с.24). Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» (Этнокультурная специфика языкового сознания 1996, с.11).

Языковое сознание изучается экспериментально, в частности, при помощи ассоциативного эксперимента – он позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений, а также с использованием многочисленных других экспериментальных методов.

Таким образом, языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Именно психолингвистика является той наукой, предметом которой является языковое сознание человека. Языковое сознание исследуется через

семантику языковых единиц, овнешняющих его в процессе номинации и коммуникации *с целью выявления психологической реальности выявляемых фактов.*

Языковое сознание – компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека, это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности как оперирование речью. Оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков. Для русского человека это прежде всего совокупность сведений о том, *какие единицы и правила есть в русском языке и как надо говорить на русском языке.* Если человек владеет иностранными языками, то сведения об этих языках тоже принадлежат его языковому сознанию.

Однако речевая деятельность человека сама является компонентом более широкого понятия – коммуникативной деятельности человека. В связи с этим возникает проблема разграничения языкового и коммуникативного сознания.

Коммуникативное сознание – это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации. Для русского человека *это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России.* В коммуникативное сознание входит и информация об иностранных языках – отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др.

Приведем пример разграничения языкового и коммуникативного сознания:

языковое сознание содержит информацию о *формулах приветствия* (то есть об имеющихся языковых единицах для обозначения некоторого концепта): здравствуйте, добрый день, доброе утро, привет и др., а также об их *дифференцированных значениях* – приветствие утром, вечером и т.д., вежливое, разговорное и др. Это информация, которая является принадлежностью языкового сознания русского человека;

коммуникативному сознанию принадлежит информация о том, как надо приветствовать – с каким лицом, с какой интонацией, на какой дистанции, когда и кого, кого можно не приветствовать, кого надо приветствовать вежливо, на вы, а кого можно попроще и т.д., в каких ситуациях обязательно приветствовать, в каких – нет, надо ли повторно приветствовать и т.д.

Таким образом, коммуникативное сознание *включает* языковое (понимаемое в рассмотренном выше смысле) как свою составную часть, но *не исчерпывается* им.

Коммуникативное сознание человека образовано коммуникативными категориями и коммуникативными концептами.

Под *коммуникативными категориями* понимаются самые общие коммуникативные концепты (понятия), упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые – о его речи. Так, для русского коммуникативного сознания могут быть выделены в качестве релевантных такие коммуникативные категории как собственно категория *общение*, категории *вежливость*, *грубость*, *коммуникабельность*, *коммуникативная неприкосновенность*, *коммуникативная ответственность*, *эмоциональность*, *коммуникативная оценочность*, *коммуникативное доверие*, *коммуникативное давление*, *спор*, *конфликт*, *коммуникативная серьезность*, *реквестивность*, *коммуникативная эффективность*, *молчание*, *коммуникативный оптимизм/пессимизм*, *сохранение лица*, категория *тематики общения*, категория *грамотность*, категория *коммуникативного идеала*, *родной язык*, *иностраннный язык*, *языковой паспорт*, *культура речи*, *хорошая речь* и др.

Можно выделить и некоторые более конкретные категории (концепты): *диалог, монолог, официальная речь, неофициальная речь, публичная речь, слушание, говорение и др.* Еще более конкретные категории типа *падеж, число, род, спряжение, склонение, синоним, антоним, фонема, морфема, слово, предложение, ударение, интонация* и мн. др. будут относиться уже к языковым категориям, поскольку характеризуют и регулируют непосредственно механизмы и правила речевой деятельности.

Как коммуникативные, так и языковые категории могут быть представлены на рефлексивном уровне сознания (знание, умение), бытийном уровне (навык), а некоторые – и на духовном уровне (В.П.Зинченко).

Коммуникативная категория в сознании носителя языка носит обобщенно-концептуальный характер и содержит для него (и для исследователя) информацию о том, как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав этого явления, какие нормы и правила связывает с данным понятием, как он «вписывает» данную категорию в состав других коммуникативных и некоммуникативных мыслительных категорий.

Коммуникативные категории, как и любые мыслительные категории, тем или иным образом упорядочивают ментальные представления личности о нормах и правилах коммуникации. Это упорядочение осуществляется нежестко, вероятно, многие категории взаимно накладываются друг на друга и пересекаются друг с другом – явление, характерное для всех когнитивных категорий. Функции коммуникативных категорий – упорядочение сведений о нормах и правилах общения для их хранения в сознании, а также обеспечение, организация речевого общения индивида в обществе, в рамках его родной коммуникативной культуры.

Языковое сознание – часть коммуникативного сознания, его исследуют психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени – методика обучения языку. Оно исследуется через овнешнение языковыми средствами (единицами).

Коммуникативное же сознание не изучается до сих пор какой-либо специальной наукой, хотя изучение коммуникативного сознания, особенно его национальной специфики, уже назрело. Интерес к коммуникативному сознанию народа начинают проявлять культурология и лингвокультурология, этнография, этнолингвистика и новая формирующаяся наука о межкультурной коммуникации.

Таким образом, традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что *есть* в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, что устоялось и определилось и является общепринятым, системным. Обучение языку базируется на результатах описательной лингвистики и ее основных продуктах – словарях и грамматиках. Изучение же того, насколько психологически реальны составленные словари и грамматики, насколько они адекватно отражают языковое сознание народа, а также исследование того, как человек порождает, воспринимает и хранит в сознании язык – это уже сфера не лингвистики, а психолингвистики, которая «изучает язык как феномен сознания» (Р.М.Фрумкина) и, следовательно, изучает не столько сам язык, сколько языковое сознание.

Изучение коммуникативного сознания народа предполагает как изучение языкового сознания, так и изучение чисто коммуникативных знаний, правил и закономерностей, входящих в сознание народа. Подчеркнем, что коммуникативное сознание народа в целом, в единстве его языковой и чисто коммуникативной составляющей, входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа.

Проблема коммуникативного сознания человека представляет интерес не только для психологии речи, онтолингвистики, этнолингвистики, но и для коммуникативной лингвистики, а также для методики обучения речи и общению.

Изучается коммуникативное сознание народа через анализ коммуникативного поведения данного народа (термин «коммуникативное поведение» впервые был введен в работе Стернин 1989, с. 279-282).

Коммуникативное поведение народа – это совокупность норм и традиций общения народа.

Коммуникативное поведение народа определяется его коммуникативным сознанием и представляет собой способ овнешнения коммуникативного сознания – подобно тому, как язык представляет собой способ овнешнения когнитивного сознания.

По коммуникативному поведению народа можно описать содержание и основные закономерности функционирования его коммуникативного сознания.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М., 1997.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989, S.279-282.

Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002.

Язык и национальное сознание. Вып.1, Воронеж, 1998.

Язык и национальное сознание. Вып.2, Воронеж, 1999.

Язык и национальное сознание. Вып.3, Воронеж, 2002.

Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.

Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.

Языковое сознание и образ мира. М., 2000

Опубликовано в:

С любовью к языку. - Воронеж, 2002. - С. 44-51.

Лакуны и концепты в аспекте национальной специфики языка и мышления¹

Национальная специфика концептосферы того или иного народа проявляется в двух основных аспектах: национальные различия в содержании близких концептов у разных народов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в концептосфере народов (о развиваемом в данной работе понятии «концепт» см. Попова, Стернин 2003).

В *близких концептах* разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются неполностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски - это совсем не то, что *куёш* по-узбекски, и уж совсем не то, что *офтоб* по-таджикски. В какие отношения - дружелюбные или тягостные - человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодонесущим и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение - все красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным» (Т.Пулатов. Язык, автор, жизнь. «Лит. обозрение», 1976, № 8, с. 109).

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях

¹ В соавторстве с З.Д.Поповой, М.А.Стерниной

Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие - праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

... Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде - как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью - костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в крошечной темноте вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?... Тебе нужна прозрачная ясность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зрим итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общинным, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы» (Т.Мамаладзе. Несокрушимый Давид? - «Литературная газета», 1982, 24 марта).

Солнце, луна, пора сбора винограда – эти концепты есть в русской, узбекской и грузинской культурах, но их содержание национально специфично.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептосфер народов проявляется в *наличии или отсутствии концептов*.

О наличии национально-специфического концепта у того или иного народа, как и об отсутствии концепта в концептосфере определенного народа можно судить по имеющимся в сравниваемых языках безэквивалентным единицам и лакунам. Обнаружение национально-специфических единиц и, следовательно, национально-специфических концептов становится возможным в рамках контрастивной лингвистики.

Безэквивалентная единица – единица, имеющаяся в одном языке и отсутствующая в другом. Другой термин – *эндемичная единица* (от биол. эндемичный – «произрастающий, имеющий распространение только в данной местности»).

Лакуна – это отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом.

Безэквивалентные единицы и лакуны всегда выявляются «в парах»: если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная единица и наоборот.

Например, в китайском языке есть слово со значением «нулевая еда» (семечки, орешки и под.); для русского языка это лакуна, а для китайцев – безэквивалентная единица на фоне русского языка.

Лакуны бывают нескольких типов.

- *Предметные и абстрактные* (по степени абстрактности содержания).

Предметные лакуны отражают отсутствие *материального*, физического, чувственно воспринимаемого предмета или явления, артефакта или натурфакта. *Абстрактные лакуны* отражают отсутствие абстрактного понятия, мыслительной категории, ментофакта. Например, *квас* – предметная лакуна для английского языка, *смекалка* – абстрактная.

- *Родовые и видовые* (по парадигматической характеристике, месту в языковых парадигмах).

Родовые лакуны отражают отсутствие общего наименования для класса предметов, *видовые* – отсутствие конкретных наименований, наименований отдельных разновидностей предметов или явлений.

Например, в русском языке нет общего наименования для дедушки и бабушки, а в англ. и нем. языках такие наименования есть: англ. grandparents, нем. Grosseltern. Это родовая лакуна для русского языка. С другой стороны, в рус. языке нет дифференцированных однословных обозначений для наручных и настольных часов – это видовые лакуны для русского языка (ср. англ. watch, clock). Англичане лексически

не дифференцируют *мыть* и *стирать* – это видовые лакуны для английского языка, в английском языке есть лишь обобщающее слово wash.

- *Межъязыковые и внутриязыковые* (по системно-языковой принадлежности).

Межъязыковые лакуны выявляются при сопоставлении разных языков: если в одном из них не обнаруживается лексического эквивалента какой-либо единице другого языка, то можно говорить о существовании в нем лакуны. *Внутриязыковые лакуны* обнаруживаются внутри парадигм одного языка – например, отсутствие слова с противоположным значением, отсутствие единицы с определенной стилистической отнесенностью, отсутствие какой-либо морфологической формы слова и др.

- *Мотивированные и немотивированные* (по внеязыковой обусловленности).

Мотивированные лакуны – это лакуны, которые объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре (*лапти, щи, матрешка, балалайка, винегрет, квас, погреб, беспризорник, тамада, форточка* в западноевропейских языках).

Немотивированные лакуны не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета – соответствующие предметы и явления в культуре есть, а слов, их обозначающих, нет (*сутки, кипяток, поземка, сухомятка, смекалистый, сухостой, именинник, аврал, облопотиться, однофамилец, здоровяк* в западноевропейских языках).

- *Номинативные и стилистические* (по типу номинации).

Номинативные лакуны – лакуны, отражающие отсутствие номинации денотата. Может отсутствовать номинация предмета вообще, а может отсутствовать его эмоциональная или оценочная номинация. *Стилистические лакуны* – отсутствие слова с определенной стилистической характеристикой, это чисто языковая характеристика лакуны. Например, в русском языке нет стилистически нейтрального обозначения полового акта, актов дефекации и мочеиспускания. Литературные и даже разговорные наименования данных денотатов – стилистические лакуны, что ведет к компенсации лакун различными эвфемизмами.

- *Частеречные лакуны* (по принадлежности лакуны к определенной части речи)

В языке может быть глагол, но при этом может не быть от него однокоренного существительного и т.д. Например, русско-английская частеречная лакуна – «бурно аплодировать, одобряя что-либо» – ср. англ. acclaim. Глагола в русском языке нет, но есть существительное с данным значением – *орация*. Таким образом, при определении того, есть ли в концептосфере русского языка соответствующий концепт, на основании только обнаружения глагольной лакуны вывод об отсутствии концепта, строго говоря, делать нельзя – концепт имеет другую частеречную вербализацию, что может быть связано с собственно языковыми, коммуникативными, но не ментальными причинами. При этом о глагольных, субстантивных, наречных, атрибутивных лакунах говорить, разумеется можно, и можно их изучать.

Основным методом выявления межъязыковых лакун является сопоставление семантически близких лексических единиц разных языковых систем и подсистем для выявления того, существует ли эквивалентный перевод этих единиц на другой язык или нет. При отсутствии в каком-либо языке переводного эквивалента тому или иному слову другого языка в первом языке фиксируется лакуна.

Лакуны выявляются прежде всего по двуязычным переводным словарям. «Сигналами» возможной лакунарности лексической единицы (слова, устойчивого сочетания, ФЕ) являются:

- развернутая объяснительная дефиниция слова в переводном словаре (возможно примечание – «в России», «в США», «в Великобритании» и под.);
- объяснение слова в переводном словаре через перечислительный или синонимический ряд.

Межъязыковые лакуны обнаруживаются также в процессе непосредственной межкультурной коммуникации – носитель того или иного языка сталкивается с тем, что в изучаемом языке нет слова для обозначения того или иного явления, обозначенного в его родном языке, возникает недоумение – как это, у немцев нет, что ли, слова *добрый*?

В иноязычной среде можно выявить и лакуны в собственном языке, познакомившись с предметами или явлениями чужой действительности, номинированными в данной культуре, но не обозначенными в нашем родном языке. Так, находясь в англоязычной стране, русский с удивлением узнает из словоупотребления носителей английского языка, что у них обозначен особым словом силуэт зданий на фоне неба (skyline), понимая, что в русском языке это никак не обозначено.

Методами выявления внутриязыковых лакун являются:

системный анализ лексико-фразеологических парадигм языка (ЛСГ, лексических полей, антонимических отношений, словообразовательных парадигм – например, *молодожены* есть а **староженев* нет, единицы со значением «говорить неправду» в русском языке есть – лгать, обманывать, брехать, заливать, надувать и др., а единицы со значением «говорить правду» нет; слово «пылесосил» есть, а форм будущего и настоящего времени 1 лица единственного числа настоящего времени нет и т.д.);

сопоставление литературного языка с другими формами существования языка (социальными и территориальными) – в диалектах, в жаргоне и т.д. слово может существовать, а в литературном языке отсутствовать;

анализ стилистических парадигм языка – в синонимических рядах могут отсутствовать единицы определенных стилистических разрядов, в таком случае говорят о стилистических лакунах;

анализ коммуникативных (номинативных) затруднений носителей языка («ну как это назвать – вот эту штуку...»);

анализ детской речи (дети образуют слова, которых нет в нормативном литературном языке - **ножить хлеб*, я **задверил пальто* и др., мой папа **выключатель*, он тебя выключит из детского сада и т.д.).

Обратим внимание, что за исключением анализа коммуникативных затруднений (кстати, наиболее трудоемкого метода выявления лакун), все остальные методы носят контрастивный характер, основаны на сопоставлении. Наиболее надежный способ обнаружения лакун – именно контрастивное исследование.

При описании лексических лакун встает терминологический вопрос: как описывать содержание лакуны? Лакуна – это отсутствие лексической единицы, но как описать это «пустое место» в языке с точки зрения содержания того, что не названо (поскольку именно содержание того, что не нашло вербализации в языке, интересует когнитивную лингвистику)?

Предлагается следующая форма описания.

Лакуны выявляются через сопоставление с единицами других языков и лексических подсистем. В соответствующем фоновом языке или фоновой подсистеме языка данное слово присутствует в единстве звучания (лексемы) и значения (семемы). В описываемом языке данное слово отсутствует как единица лексической системы этого языка. Это означает, что в семантическом пространстве данного языка нет соответствующей семемы, которая, однако, представлена в конкретном семном составе в другой, фоновой лексической системе или подсистеме. Поэтому лакуну в исследуемой лексической системе можно описать следующим образом:

- устанавливается лакуна в одном из языков на фоне другого,
- определяется значение (семный состав) языковой единицы фонового языка (то есть той единицы, на фоне которой выявлена лакуна в исследуемом языке);
- данное значение в семной формулировке (как семная дефиниция значения) используется для описания содержания лакуны в исследуемом языке.

Например, в английском языке выявлена безэквивалентная единица *afterthought*, для которой нет перевода в русском языке. Далее определяется значение этой единицы: «мысль, пришедшая позднее, после произошедшего события». Данное определение и используется для описания содержания лакуны в русской лексической системе: указывается содержание лакуны и обязательно приводится фоновая единица языка сопоставления, послужившая основой обнаружения лакуны. Кроме того, при описании лакуны должно указываться, на фоне какого языка она выявлена. К примеру, русско-английская лакуна – это лакуна в русском языке, выявленная на фоне английского языка, а англо-русская лакуна, соответственно, это лакуна в английском языке, обнаружившаяся на фоне русского языка. Фоновая единица приводится для сравнения на языке оригинала как доказательство существования данной языковой единицы в одной из языковых систем или подсистем.

Например:

Русско-английские лакуны

мысль, пришедшая позднее, после произошедшего события – ср. англ. *afterthought*.
подойти и заговорить - ср. англ. *accost*;
спускаться с крутизны на веревке - ср. англ. *abseil*;
отнестись благосклонно - ср. англ. *accept*;
бурно аплодировать, шумно приветствовать - ср. англ. *acclaim*;
выжженный солнцем - ср. англ. *adust*;
воздействие солнца, ветра, воды - ср. англ. *exposure*;
силуэт города на фоне неба – ср. англ. *skyline*;

Русско-немецкие лакуны

готовый помочь – ср. нем. *Hilfsbereit* ;
картонная подставка под пивную кружку - ср. нем. *Bierdeckel*;
дети одних родителей - ср. нем. *Geschwister*;
идти на высоких каблуках, постукивая ими - ср. нем. *Stocken*;
одноразовая супружеская измена - ср. нем. *Seitensprung*;
учебный текст, предварительно написанный учителем на классной доске - ср. нем. *Tafelbild* и т.д.

Англо-русские, немецко-русские лакуны

промежуток времени, включающий день и ночь - ср. рус. *сутки*;
только что вскипевшая или кипящая в настоящий момент вода – ср. рус. *кипяток*;
выделяться издали высотой – ср. рус. *маячить*;
человек, потерявший дом и имущество в результате пожара – ср. рус. *погорелец* и т.д.

Внутриязыковые лакуны описываются путем прямого описания предмета или явления. В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, то есть пустых, незаполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут в системе этого языка присутствовать.

Например, в русском языке есть слова, обозначающие сообщение о негативных фактах (*жалоба, донос*), но нет обозначения для сообщения о положительных фактах; есть лексические единицы со значением *заочно передаваемая негативная информация* (*сплетни, слухи*), но не обозначен смысл *заочно передаваемая положительная информация*. О человеке, в совершенстве владеющем искусством своего дела, мы говорим *виртуоз*, но нет слова для наименования людей, еще не освоивших свою профессию, свое дело до конца. Аналогично, не обозначены в русской лексико-фразеологической системе такие смыслы как *говорить в медленном темпе; говорить о важных вещах или проблемах; сказать к месту и своевременно; сообщать правдивую*

информацию; говорить умные вещи; выражать информацию прямо, без намеков и обиняков и мн.др.

Даже беглый анализ "Словаря детской речи" убеждает в огромном количестве слов, форм, которыми дети заполняют внутриязыковые лакуны. Например: асфальтильщик (*рабочий, занимающийся асфальтированием дорог*), ансамблист (*участник ансамбля*), базарник (*человек, торгующий на базаре*), безглазый (*лишенный глаз*), безоконный (*не имеющий окон*), бескоробный (*находящийся не в коробке*), беспаный (*живущий без отца*), бесподвальный (*не имеющий подвала*), беспорядочница (*женщина, допускающая беспорядок*), бигудиться (*завивать волосы на бигуди*), бояхина (*боязливое существо*), броненосик (*детеныш броненосца*), бухарь (*о том, кто падает, бухается*), ведущить (*быть ведущим*), вертелка (*валик колодца*), включатель (*прибор для включения света*), глазастеть (*тараща глаза, смотреть*), грязнеть (*становиться грязным*), заклопнуть (*закрепить кнопками*) и т.д.

Многие невербализованные, лексически невыраженные концепты, представленные внутриязыковыми лакунами, существуют в национальном сознании, отражают денотаты, присутствующие в национальной действительности. Причины их лексической невыраженности – коммуникативного, а не концептуального порядка: эти концепты коммуникативно не востребованы.

Необходимо отметить, что соотношение лакун, безэквивалентных единиц и национальных концептов далеко не такое простое и однозначное, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что отсутствие в том или ином языке определенного слова (лакуна) не всегда свидетельствует об отсутствии в концептосфере этого народа соответствующего концепта: вспомним, что слова используются для номинации концептов, необходимых для обмена информацией, то есть слова – обозначение только коммуникативно релевантных, коммуникативно «активных» концептов, имеющих ценность для национальной концептосферы.

Так, китайский концепт *нулевая еда* в русской концептосфере несомненно есть - мы понимаем, что такая еда есть, что это не настоящая еда, говорим иногда о такой еде «Разве это еда?», но в русском языке нет специальной языковой единицы для ее обозначения, а китайцы этот концепт обозначили - *lingshi*. В русском литературном языке нет слова для обозначения *полоски льда на тротуаре, используемой детьми для того, чтобы прокатиться*, но соответствующий концепт в русской концептосфере есть. В русском сознании есть концепт *живое существо, которое держат дома для забавы*, но нет специального слова для обозначения этого концепта (ср. англ. *pet*). В немецком, английском, французском языках нет слов, соответствующих русскому *сутки, кипяток*, хотя соответствующие концепты, несомненно, есть в сознании немецкого, английского и французского народов. В немецком сознании, несомненно, есть концепт *добрый*, хотя слова с таким значением в немецком языке нет.

Однако, по-видимому, нельзя говорить о наличии в русской национальной концептосфере таких концептов как *вечер пятницы, суббота и воскресенье* (ср. англ. *weekend*), *период времени длительностью две недели* (ср. англ. *fortnight*), *подойти и заговорить* (ср. англ. *accost*), *период времени, начинающийся после окончания рабочего дня* (ср. нем. *Feierabend*), *часть какого-либо предмета, свисающая с чего-либо* (ср. англ. *flap*). Несмотря на то, что данные явления и предметы в материальной культуре есть, сознание народа это явление или предмет не концептуализировало, то есть не образовало соответствующего концепта. Это значит, что сознание народа данный предмет или явление «не замечает»; причины этого требуют особого исследования.

При анализе межъязыковых лакун выявляется довольно тонкая грань между лакуной (отсутствием единицы) и наличием неполного лексического соответствия иноязычному слову (в последнем случае возможен тот или иной приблизительный перевод, не в полном объеме передающий смысловое содержание иноязычной единицы, но в то же время передающий определенную часть ее основного смыслового содержания).

Наличие подобных единиц – проявление национальной специфики семантики языков, и такие единицы должны быть отграничены от лакун, хотя это не всегда легко сделать. Примерами могут служить рус. «автолюбитель» и англ. driver, нем. Fahrer (водитель) – вопрос, лакуна ли *автолюбитель* для немецкого и английского языков, или в этом случае выявляются межъязыковые лексические соответствия, обнаруживающие национальную специфику семантики, нуждается в дополнительном изучении.

Другой пример – межъязыковые соответствия нем. Mädchen, англ. girl, рус. девушка, девочка. Немецкое и английское слова имеют одинаковое значение: "лицо женского пола от рождения до замужества", в то время как русские слова имеют более конкретные значения: девочка - "лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости"; девушка - "лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества". Можно ли считать, что в русском языке есть лакуна «лицо женского пола от рождения до замужества» или следует говорить о том, что русские слова *девочка*, *девушка* имеют национальную специфику семантики относительно их немецкого и английского соответствий? Можно ли считать, что в английском и немецком языках на фоне русского языка выделяются лакуны «лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости», «лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества»? Этот вопрос также требует дополнительного изучения.

Вопрос упирается в теоретическое разграничение понятий *эквивалент* и *соответствие*. По-видимому, лакуны можно выделять в тех случаях, когда в языковой системе отсутствует *эквивалент* какой-либо единице другого языка, а наличие переводного соответствия будет свидетельствовать о наличии национальной специфики семантики у сопоставляемых единиц. Вместе с тем наличие *близких соответствий* затрудняет выделение *эквивалентов*; этот вопрос требует дополнительной разработки.

Лакуна, к примеру, может обнаружиться в литературном языке, но в групповом или индивидуальном сознании она может быть заполнена. В таком случае концепт носит групповой характер, он номинирован внутри этой группы людей, но языковая единица неизвестна широкому кругу носителей языка.

Возможно также наличие в сознании отдельных людей или групп людей определенных концептов, свойственных концептосфере других народов (ср. западное понимание демократии, прав личности, закона и мн.др. в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов, но не в сознании рядового российского гражданина).

Отметим также, что в процессе размышления над межъязыковыми лакунами соответствующий концепт возникает в сознании исследователя, но его нельзя считать общенациональным.

Мы в данной работе обсуждаем проблему *общенациональных* лакун, выявляющихся в литературном языке, и проблему *общенациональных* концептов.

Таким образом, выявив в том или ином языке на фоне другого языка (или внутри языка) некоторые лакуны, мы не можем на этом основании однозначно утверждать, что у этого народа нет в концептосфере соответствующего концепта: необходимо дополнительно тщательно проанализировать предметную, мыслительную и коммуникативную сферы народа, чтобы в этом убедиться. Вместе с тем, любая лакуна – сигнал для исследователя о *возможном отсутствии концепта* у народа, и все такие «сигналы» необходимо тщательно проверять.

В случаях с предметными мотивированными лакунами, отражающими отсутствие материального, физического предмета или явления, артефакта можно с уверенностью утверждать, что в этом случае лакуна сигнализирует об отсутствии концепта в концептосфере народа, в языке которого мотивированная лакуна выявлена – у англичан нет концептов *квас*, *винегрет*, *лапти* и под. – они просто не знают, что это такое, не представляют, что такое в принципе возможно. Однако в случае с лакунами, отражающими абстрактные понятия, ментофакты, уже гораздо труднее – ср. рус. слово

духовность, которое представлено лакунами в основных европейских языках: можно ли утверждать, что духовность как явление отсутствует у народов Запада, поэтому данная лакуна мотивированная и необходимо признать отсутствие концепта *духовность* в сознании западноевропейцев? Или это все же немотивированная лакуна и соответствующий концепт у них есть?

Вопрос об отсутствии концептов в случае выявления немотивированных лакун не может быть решен однозначно – каждый случай требует анализа.

Отношения концепта и немотивированной лакуны внутри языка осложняются случаями наличия в семантической системе языка своеобразных семантических «заготовок семем», которые можно обозначить термином «потенциальные семемы».

Потенциальная семема – это некий структурированный в системе языка смысл, существование которого обусловлено имеющимися в языке лексическими или лексико-грамматическими парадигмами: определенная парадигма формирует данный смысл в системе языка, подготавливает его для лексической номинации, формирует достаточно четко его компонентный состав, однако самостоятельной лексемы подобная потенциальная семема в языке так и не получает, что и оставляет ее в ранге потенциальной.

О наличии потенциальной семемы можно говорить только в том случае, если в лексической парадигме того или иного языка «подготовлено место» для определенного слова, хотя самого слова нет (по крайней мере, в кодифицированном литературном языке). Например, антонимическая парадигма: есть *молодожены*, но нет антонима – *«старожены». Для слова *старожены* в семантическом пространстве языка есть потенциальная семема – «люди, давно состоящие в браке», четко по компонентному составу дифференцируемая от протипоставленной по семантике единице «люди, только что вступивших в брак», есть даже словообразовательная модель, по которой слово может быть легко образовано без нарушения каких-либо морфологических или стилистических норм, носители языка его поймут и признают, но в литературном языке этого слова нет.

Другие парадигмы, выявляющие потенциальные семемы:

глагольная парадигма лица – есть потенциальные семемы «я одержу победу», «я произвожу уборку пылесосом», «я нахожусь в подвешенном состоянии», но нет литературных лексем *победю*, *пылесосу*, *висю*;

парадигма «наименования деятелей по выполняемому действию» («тот, кто делает X»): есть мотальщики, обмотчики, но нет будильщиков, махальщиков и т.д. Нет литературного наименования лица, занимающегося пиаром, как и действия «заниматься пиаром»;

парадигма «наименования деятелей по инструменту»: есть потенциальная семема «работать лопатой», но нет «лопатчиков».

Парадигма «действие по наименованию инструмента действия»: есть потенциальная семема «убирать при помощи грабель», «копать лопатой», но нет литературных глаголов «грабить», «лопатить» и под.

Парадигма «помещение для разведения или содержания животных» – есть телятник, обезьянник, курятник, свинарник, птичник, овчарня, псарня, конюшня, но нет страусятника, куропатника, рыбника и под., хотя эти семемы потенциально в системе языка есть.

Парадигма обуславливает место для семемы в системе языка и ее семный состав, что и делает возможным существование в лексико-семантической системе потенциальных семем. О том, что потенциальные семемы являются действительно семемами, свидетельствует возможность их компонентного анализа, а также нередко и наличие просторечных или шутливых номинаций этих семем, не принимаемых литературной нормой, но, тем не менее, существующих в речи: пограбить (поработать граблями), пылесосу, висю и др.

Однако возможен и такой вариант – концепт есть, а семемы и лексемы нет. В этом случае не фиксируется наличие даже потенциальной семемы, что обусловлено обычно отсутствием соответствующей четкой языковой (лексической или грамматической) парадигмы, которая бы системно поддерживала семему и обусловила ее формирование и существование. Подобные концепты не вписываются в систему имеющихся в языке лексических парадигм, являются как бы несистемными, стоят в мыслительной сфере человека *по отдельности*, индивидуально либо входят в очень большие парадигмы, которые оказываются мало приспособленными для формирования потенциальных семем. Если такой концепт надо вербализовать, носители языка используют свободные словосочетания или объяснения. Ср., например, русско-английские лакуны *подойти и заговорить, бурно аплодировать, спускаться по веревке с крутизны, мысль, пришедшая позднее* и др.

В целом, видимо, возможны, следующие варианты соотношения концепта, семемы и лексемы:

1) Есть концепт, есть семема, есть лексема.

Обычные слова языка – окно, читать, идти, хлеб и т.д.

2) Есть концепт, есть потенциальная семема, нет лексемы.

Например: «люди, давно состоящие в браке» - ср. *старожены, *«заниматься пиаром», *«лицо, занимающееся пиаром», *«лицо, получающее работу» (ср. отсутствие *«работодателя» при наличии работодателя) и др.;

3) Есть концепт, нет семемы, нет лексемы.

Например, отсутствуют в русской концептосфере такие концепты «говорить умные вещи», «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза», «тот, кто раньше с нею был» (В.Высоцкий), «лицо, принадлежащее к научной школе» и др. В рус. концептосфере нет концептов, выражающихся нем. Spass, англ. fun (оба слова примерно означают *радость, развлечение, нечто интересное, удовольствие, наслаждение и т.д.*, вместе взятые).

4) Нет концепта, нет семемы, нет лексемы.

Это крайний случай проявления национальной специфики языка и концептосферы, наиболее яркое проявление национальной специфики. Так, в русском сознании нет концепта «уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука» (яп. *sabi*), не сформировались свойственные англоамериканской концептосфере концепты *life quality, privacy, quality time, tolerance, political correctness*, именуемые в русском языке с помощью калькированных переводов: *качество жизни, приватность, качественное проведенное личное время, толерантность, политическая корректность*. С другой стороны, *разговор по душам, выяснение отношений, авось, духовность, интеллигенция, непротивление* – русские безэквивалентные единицы, в европейских языках им соответствуют лакуны и отсутствие концепта.

Концепты могут быть внесены в национальную концептосферу из другой концептосферы – национальной (*толерантность, политкорректность, приватность*) или социальной (например, криминальной - *беспредел, крыша, авторитет, опустить* и др.). В таком случае концепт первоначально формируется на коммуникативной основе, на базе значения соответствующего слова, через объяснение значения широкому кругу носителей языка, и лишь потом, обрастая новыми смыслами и углубляясь, отрывается от значения и начинает самостоятельную ментальную жизнь в концептосфере народа.

Заемствованные концепты, особенно абстрактные, обычно относятся к разряду одиночных, несистемных – им не сразу находится парадигма, не сразу формируется семный состав называющего их слова, они долго выражаются описательными оборотами, сопровождаются пояснениями и т.д., чем и объясняется обычно их трудное вхождение в культуру заимствовавшего их народа.

Концепт может быть и чисто субъективным, личностным, тогда он в любом случае нуждается в развернутом тексте для экспликации; такие концепты часто бывает трудно понять («не понимаю, что ты имеешь в виду ...»).

Проблему соотношения слова и концепта осложняет тот факт, что кроме концептов, выявляющихся при анализе лексических единиц, существуют концепты, не выражаемые какими-либо отдельными лексическими единицами и обнаруживающиеся лишь в результате логико-семантического анализа классов и парадигм лексических единиц.

К таким концептам относятся в первую очередь классифицирующие – используемые для классификации различных предметов и явлений действительности (когнитивные классификаторы). Большинство обобщающих классифицирующих концептов в сознании носителя языка не связано с какими-либо конкретными наименованиями, ср.: «наименования предметов природы», «наименования искусственных предметов», «психические качества человека», «индивидуальные особенности голоса», «наименования цветовых оттенков», «средства передвижения по воде», «получение информации в ответ на запрос» и мн. др. подобного типа. Эти концепты выявляются в процессе семантического анализа и классификации лексических единиц, при анализе лексико-семантических парадигм. Носитель языка прекрасно понимает, что такое «цветовой оттенок» или «наименование искусственных (созданных руками человека) предметов», при необходимости может оперировать этими концептами в мышлении, хотя в языке эти концепты, как правило, не названы, а описательное обозначение их конструируется обычно только лингвистами в процессе лингвистического анализа лексических микросистем. Подобные концепты относятся, по-видимому, к коммуникативно нерелевантным.

Следует также различать актуальные и неактуальные концепты. *Актуальные* концепты регулярно вербализуются, они нужны и для мышления, и для коммуникации. *Неактуальные* концепты могут быть нужны для мышления, но они крайне редко вербализуются (например, концепты «верхний угол комнаты», «нижний угол комнаты», «левая боковина дивана», «правая боковина дивана» и т.д.). Неактуальные в национальной концептосфере концепты могут быть актуальными в групповой и личностной концептосферах и наоборот.

Возможны ситуации, когда отдельной лексической единице одного языка соответствует устойчивое словосочетание в другом языке. Приведем такие примеры на русско-английском материале: глубокий старик – antediluvian, щеточка для ногтей – nail – brush, рекламный щит – hoarding, налог с оборота – sales tax, краткая сводка новостей – амер. wtar-up, скоростная автострада с транспортными развязками – амер. free-way, назначение на должность – designation, свободный режим рабочего дня, скользящий график – flexitime, непрофилирующий предмет (в университете, колледже) – minor, нарушитель границы – infiltree; предъявление обвинения – indictment, ведение дел по доверенности – procuration, заключение в тюрьму – incarceration, вступление во владение (вместо прежнего владельца) – takeover, предвыборная платформа политической партии – ticket, комиссия по выработке регламента или порядка дня – steering committee, встречный ветер – headwind, ледяной узор (на стекле) – frostwork, клюшка для игры в хоккей с мячом – bandy, доска с парусом для серфинга – sailboard; водные виды спорта – acuatics, совместное производство фильма, совместная постановка спектакля – coproduction, взрывная волна – blast, призыв на военную службу – амер. induction, негодный к военной службе – rejectee, увольнение из армии – muster-out, неходовой товар – drug, предмет первой необходимости essential, чуткий сон; сон урывками – dog-sleep, судно на подводных крыльях – hydrofoil, стоянка на якорю – anchorage, стоянка судов в доках – dockage, чума рогатого скота – rinderpest, отлучение от церкви – excommunication, регистрационное свидетельство на собаку – dog-licence и др.

В этом случае о наличии лакун говорить нельзя, налицо просто разные структурные типы номинации концепта в различных языках.

Лакуны, если оказывается необходимым выразить соответствующий концепт в речи, *компенсируются*, то есть заполняются «временными» средствами языка – свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями и т.д. Если компенсация осуществляется достаточно регулярно, соответствующее выражение может впоследствии стать устойчивой номинацией концепта – напр. лосьон после бритья (ср. англ. aftershave), несчастный случай (ср. англ. accident).

То, что словами можно объяснить практически любой концепт (правда, объяснение может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста), говорит не о том, что в данном случае нет лакуны, а о том, что любая лакуна может быть *компенсирована*.

Практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство невербальности концептуального мышления и возможности компенсации любой лакуны.

Необходимость использования разных лексических средств для компенсации лакуны – ср. нем. *Hilfsbereit* «готовый помочь» – «он всегда готов помочь», «он всегда готов прийти на помощь», «он очень добрый», «он сердечный человек» и т.д. – еще одно свидетельство того, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства, и каждое из них раскрывает какую-то его часть; только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи.

Соотношение лакун и безэквивалентных единиц с концептами – сложное и богатое поле исследования для лингвистов и когнитологов. важнейший аспект изучения национальной специфики языка и мышления.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд.3, стереотипное. Воронеж. «Истоки», 2003.191 с.

Мамаладзе Т. Несокрушимый Давид? // «Литературная газета», 24 марта 1982.

Пулатов Т. Язык, автор, жизнь // «Лит. обозрение», 1976, № 8.

*Опубликовано в: Русский язык как иностранный:
Теория. Исследования. Практика. - СПб., 2004.-
С.8-23 (соавторы З.Д.Попова, М.А.Стернина).*

К проблеме лакунарности концептов

Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры.

При этом, как справедливо отмечает В.И.Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре - явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» (Карасик 2004, с.112).

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты неполностью совпадают по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски - это совсем не то, что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения - дружелюбные или тягостные - человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-

уменьшительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодотворным и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение - все красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным» (Т.Пулатов. Язык, автор, жизнь. «Лит.обозрение», 1976, № 8, с. 109).

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие - праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

... Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде - как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью - костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в крошечной темноте вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?... Тебе нужна прозрачная ясность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зрим итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общинным, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы» (Т.Мамаладзе. Несокрушимый Давид? «Литературная газета», 1982, 24 марта).

Солнце, луна, пора сбора винограда – эти концепты есть в русской, узбекской и грузинской культурах, но их содержание национально специфично.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может быть периферийным), в различиях образного компонента, интерпретационного поля, в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата - одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой и т.д.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных концептов в национальных концептосферах.

Безэквивалентные концепты могут быть выявлены через безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентная единица - всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа. Ср. русские безэквивалентные единицы – и, соответственно, представляемые ими концепты: *авось*, *духовность*, *интеллигенция*, *непротивление*, *пошлость*, *порядочность*, *смекалка*, *разговор по душам*, *выяснение отношений*, *соборность*.

Примеры национальных концептов, представленных в концептосферах англосаксонского мира: *life quality* «качество жизни», *privacy* «неприкосновенность частной жизни», *self* «самостоятельность личности», *quality time* «время, проведенное за любимым или важным занятием», *tolerance* «толерантность», *political correctness* «политическая корректность», *fun* «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *fortnight* «период времени продолжительностью в две недели», *challenge* «некоторая сложная задача или проблема, стимулирующая заняться ее решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для ее решения и предоставляющая возможность людям проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте при ее решении», *fair play* «честная игра», *diffamation* «публичное оскорбление, унижение, дезинформация» etc.

Немецкие безэквивалентные концепты: Spass «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», Feierabend «часть суток от окончания рабочего дня до отхода ко сну».

Китайский безэквивалентный концепт: shan wei «резкий бараний запах».

Японский национальный концепт: саби («уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука»), есть концепт «женщина, которая, живи она в другое время, имела бы большой успех у мужчин».

Финский национальный концепт: sisu - «особая твердость духа и умение стойко преодолевать препятствия, свойственные финнам».

Французское savoir-vivre – «умение жить в удовольствие, с наслаждением».

У индейцев Северной Америки есть концепт *потлач* - «пир, который разоряет человека и делает его знаменитым».

В одном из палеоазиатских языков есть концепт «плывя вниз по течению на каноэ, пристать к берегу, чтобы лечь на дно лодки и провести в ней ночь».

Примеры таких концептов могут быть умножены.

Однако надо иметь в виду, что словесная невыраженность - не гарантия концептуальной безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но быть лексически не выраженным, не вербализованным. Например, таков китайский концепт *lingshi* «нулевая еда» (например, семечки, орешки, мороженое): в русской концептосфере этот концепт есть (мы понимаем, что такая еда есть, что это не настоящая еда, говорим «Разве это еда?»), но у нас нет языковой единицы для его обозначения, а китайцы этот концепт номинативно обозначили.

Возможна и такая ситуация: наличие в сознании отдельных людей или групп людей концептов, свойственных концептосфере других народов (ср. западное понимание демократии, прав личности, закона, толерантности и мн.др. в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов).

Таким образом, если установление национальной специфики концептов требует описания концептов двух культур и сопоставления этих концептов по составу когнитивных признаков и их статусу, яркости в структуре концепта, то выявление безэквивалентных, эндемичных концептов требует тщательного когнитивного, культурологического и исторического анализа.

Карасик В.И. Языковой круг. М., Гнозис, 2004.

Опубликовано в:
Культура общения и ее формирование.
 Вып.16. Воронеж, 2006. С.148-151

Концепт и значение

Исследования Л.В.Сахарного в области психолингвистики показали глубину значения слова, отражающего в своей структуре многочисленные и разнообразные признаки действительности. Современная когнитивная лингвистика развивает и углубляет наши представления о фиксируемом словом знании, по-новому интерпретируя многие традиционные научные проблемы.

Одной из таких проблем является проблема соотношения значения и концепта с точки зрения лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Проблема соотношения концепта и значения – важнейшая проблема когнитивной лингвистики, поскольку от ее теоретического решения зависит как само существование когнитивной лингвистики как отдельного лингвистического направления, так и

методика исследования, которая, в свою очередь, предопределяет получаемые результаты.

Предложим свое понимание разграничения данных понятий, основанное на понимании отражательного характера человеческого знания.

Общие черты значения и концепта

Сознание человека, локализуясь в мозге и являя собой функцию мозга, отражает объективную и субъективную действительность.

Концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека.

Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, носят отражательный характер, отражают определенные стороны явлений реальной действительности. Значение слова также имеет когнитивный характер – оно состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

В связи с этим употребляющееся в некоторых направлениях когнитивных исследований словосочетание *когнитивная семантика* представляется тавтологией (типа *коммуникативное общение*), поскольку семантика некогнитивной быть не может – она отражает результаты когниции сознанием окружающей действительности.

Различия между значением и концептом

Значение и концепт – продукты деятельности разных видов сознания.

Концепты и значения – ментальные единицы, вычленимые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании человека и образующих само содержание этих видов сознания. Концепт – продукт когнитивного сознания человека (представленного его сознанием в целом), значение – продукт языкового сознания (представленного в значениях языковых знаков).

Особенность семантики языковых единиц в том, что семантика не просто отражает действительность, как концепт, но и сообщает о ней, являясь стороной языкового знака.

Значение, таким образом, это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации.

Отношения между значением и концептом

Значение по отношению к концепту выступает как его часть, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта.

Значение своими семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации всего содержания концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов, а также необходимы экспериментальные исследования, которые дополняют результаты лингвистического анализа.

Таким образом, значение и концепт соотносятся как коммуникативно релевантная часть и ментальное целое.

Однако психолингвистический анализ семантики слова усложняет анализируемую проблему. Дело в том, что значение, выявляемое психолингвистическими

экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях, на которое обычно опираются лингвисты в анализе семантики единиц языка, что позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах.

Как известно, еще А.А.Потебня разграничивал общеизвестное, «народное», «ближайшее» значение слова и «дальнейшее», личное, включающее эмоциональные, чувственные, научно-познавательные признаки. А.А. Потебня настаивал на том, что языковеды должны изучать только ближайшее значение, что отражает лингвистические представления того времени и в принципе является проявлением лингвистического антиментализма – изучается то, что вербализовано (Карасик 2004, с.37), который вместе с научным принципом редукционизма господствовал в языкознании вплоть до конца 70-ых гг. прошлого века. Эти принципы вполне соответствовали требованию А.А.Потебни сосредоточиться на изучении ближайших значений, и в языкознании это требование в основном соблюдалось на протяжении примерно столетия. Однако сформировавшиеся в конце XX века принцип глобализма и антропоцентрический подход к языку изменили и исследовательскую парадигму – распространение сферы интересов семасиологов и когнитивистов и на дальнейшее значение слова стало общераспространенным принципом анализа в языкознании и смежных науках. Дальнейшее значение неизмеримо ближе к концепту, чем ближайшее, и интерес к нему когнитологов и лингвокогнитологов понятен.

В связи с этим считаем необходимым терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный редукционизм. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности.

Получаемое в результате применения принципа редукционизма при составлении словарной дефиниции значение мы называем *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф фактически априори исходит из того, что именно в определенном лексикографами семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако, как уже упоминалось, любые психолингвистические эксперименты, как и многочисленные наблюдения над текстовым употреблением слова, повседневная практика разговорного словоупотребления легко опровергают данное представление о значении.

Вызывает также многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают существенные, дифференциальные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно с определенной долей надежности констатировать для дефиниций научных терминов; для большинства же общеупотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурфактов) это понятие просто неприменимо. Например, какие существенные признаки есть у зайца,

собаки, яблока, березы, моркови, лужи, окурка, озера? Те признаки, которые можно выделить для этих предметов как существенные, в действительности сплошь и рядом оказываются существенными не для зайца, яблока и т.д., а для людей, использующих эти предметы, и в силу этого существенность данных признаков весьма относительна.

Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а их яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе мала.

Сказанное нисколько не умаляет достижений лексикографов, не ставит под сомнение необходимость толковых словарей – они соответствуют своему назначению «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как говорил С.И.Ожегов, никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела), но свидетельствует о несводимости значения слова к его словарному толкованию.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина»), постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слова дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального* (или *психолингвистического*) значения слова.

Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

Психологически реальное значение теоретически может быть выявлено и описано в своих основных чертах в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, мало реально технически и все равно оставляет возможность, что некоторые семантические компоненты в проанализированном массиве контекстов не нашли актуализации), а также оно может быть с достаточной эффективностью выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических экспериментов со словом.

Психолингвистическое значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Проблема описания лексикографического и психологически реального значения связана с проблемой разграничения значения и смысла, которое имеет давнюю психологическую и психолингвистическую традицию.

Значение представляет собой определенное отражение действительности, закрепленное языковым знаком. Значение, по А.Н.Леонтьеву, это то, что открывается в предмете или явлении объективно, в системе объективных связей, взаимодействия предмета с другими предметами. Значение благодаря тому, что оно обозначено знаком, приобретает устойчивость и входит в содержание общественного сознания (Леонтьев

1972, с.288-289), в значениях «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых общественной практикой» (Леонтьев 1975, с.140-141). «Значение есть та форма, в которой отдельный человек овладевает *обобщенным* и отраженным человеческим опытом» (Красных 2003, с.34).

Конкретная личность, овладевшая значениями, включает эти значения в свою личную деятельность, в результате чего у данной личности возникают определенные отношения к данному значению, и это значение приобретает для данной личности *смысл*, который представляет собой факт индивидуального сознания. Смысл есть «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» (Леонтьев 1969, с.216), «отношение субъекта к осознаваемым объективным явлениям» (Красных 2003, с.35).

Смысл не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения: он «порождается не значением, а жизнью» (Леонтьев 1947, с.27).

Как подчеркивает В.В.Красных, «смысл зависит не только от индивидуального опыта и конкретной ситуации. В значительной мере он связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека» (Красных 2003, с.35).

Разграничение значения, смысла и образа важно и принципиально для понимания процессов становления сознания, описания его структуры. Для *экспериментального* изучения *языкового* сознания противопоставление значения и смысла, а также значения и образа оказывается нерелевантным, поскольку экспериментальному исследованию подвергается индивидуальное сознание носителей языка, в котором образность, системное значение и индивидуальный смысл выступают нерасчлененно как психологически реальное содержание слова. Кроме того, в практике психолингвистического и традиционно-семантического исследования разграничение значения и смысла невозможно, поскольку, как отмечалось, многие семантические компоненты, как и значения в целом имеют «групповую» привязку, носят групповой характер, что традиционно затрудняет лексикографическое описание значения в полноте его смыслового содержания как некоего общепринятого в обществе в целом семантического феномена.

Мы согласны с точкой зрения В.В.Красных, которая, развивая концепцию Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева, приходит к выводу, что «значение должно изучаться именно как обобщение», а «адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения» (Красных 2003, с.36).

Таким образом, экспериментальное изучение значения предполагает выделение и описание всех семантических признаков, образующих его структуру в индивидуальном сознании.

Применительно к значению как компоненту реального языкового сознания носителя языка (психолингвистическому значению) можно говорить лишь о ядерных и периферийных семантических компонентах и семемах.

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психолингвистического значения. В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и информация, которая отражает общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являющиеся достоянием личного или коллективного опыта. Для выявления многих концептуальных признаков нужна рефлексия носителя языка. Знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде поля.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами, совокупность которых мы обозначили термином *номинативное поле концепта*.

Графически соотношение концепта и значения может быть представлено следующим образом: рис. 1 и 2.

Рис. 1. Типы значений в объеме концепта

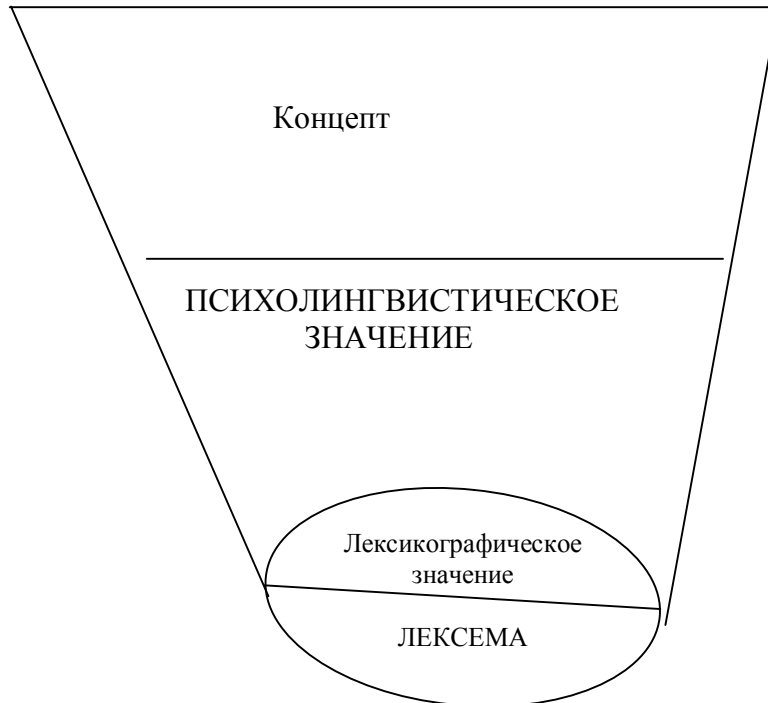
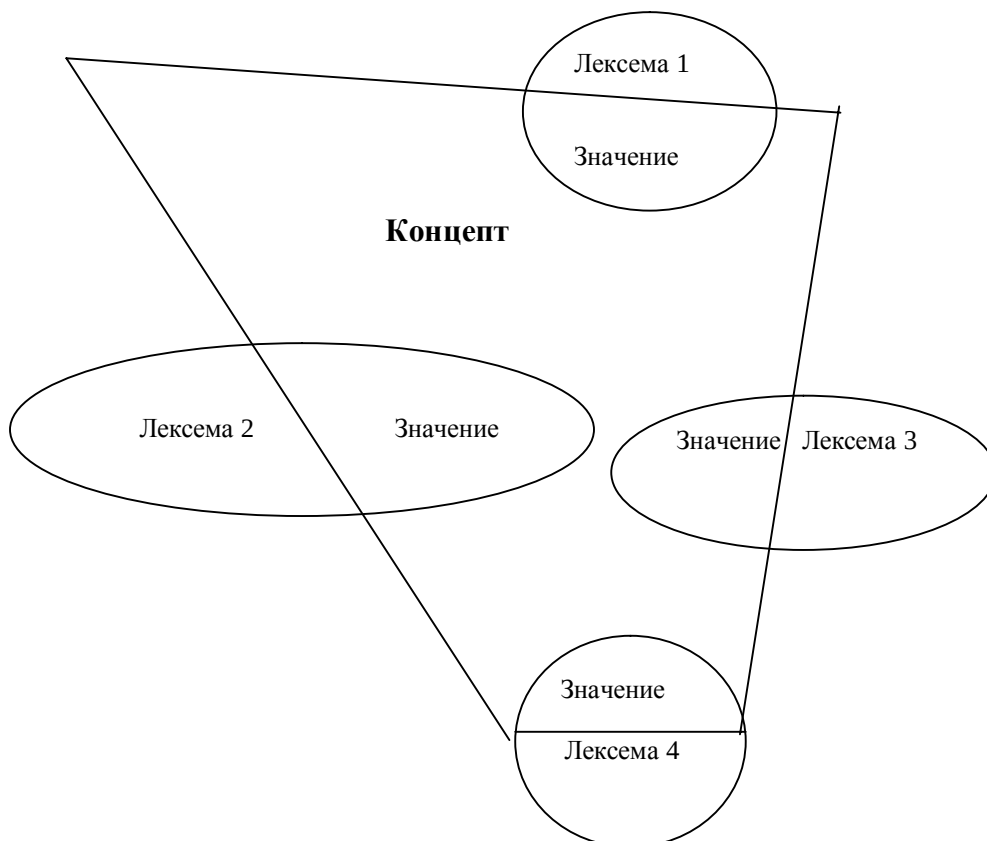

Рис.2. Значения слов – номинантов концепта как части содержания концепта

Можно следующим образом суммировать основные различия между разными видами значения и концептом.

Лексикографическое значение	Психолингвистическое значение	Концепт
Описывается интроспективными, контекстуальными, логическими методами, традиционными методами семного анализа и не предполагает экспериментальной проверки, обращения к носителям языка	Описание значения основано на обобщении результатов экспериментальных исследований с учетом только первой реакции испытуемых	Описывается интроспективными, логическими, контекстуальными, культурологическими, традиционными методами семного анализа, а также экспериментальными приемами с учетом нескольких реакций испытуемых
Формулируется логически как перечисление существенных дифференциальных признаков	Выявляется семной и семемной интерпретацией экспериментального языкового материала	Выявляется когнитивной интерпретацией экспериментального языкового материала
Отдельные значения вычлняются на основе различной денотативной отнесенности	Отдельные значения выявляются по денотативной отнесенности групп выявленных семантических компонентов	Не делится на значения, имеет целостный интегральный характер
Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Не предполагает обязательной связной формулировки, перечисляются составляющие концепт когнитивные признаки по убыванию яркости
Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори считаются ядерными	Ядро и периферия выделяются в каждом выделенном значении	Ядро и периферия выделяются в содержании концепта в целом
Содержит семемы и семы	Содержит семемы и семы	Содержит когнитивные признаки
Семы упорядочиваются семантическими признаками	Семы упорядочиваются семантическими признаками	Когнитивные признаки упорядочиваются когнитивными классификаторами
Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание, объективируемое совокупностью языковых средств (номинативным полем концепта)

Включает компоненты, приписанные значению лексикографом	Включает семантические компоненты, актуально связываемые в данный период развития языка с данным словом в сознании испытуемых	Включает как актуально осознаваемые, так и извлекаемые из долговременной памяти путем рефлексии когнитивные признаки
Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных от основного, главного к производным значениям	Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных по полювому принципу - по убыванию яркости отдельных значений	Структурно представляет собой образ, информационное (энциклопедическое) содержание и интерпретационное поле; признаки данных структурных компонентов концепта упорядочиваются по убыванию яркости в структуре концепта

Таким образом, значение слова как единицы языкового сознания может быть описано на двух уровнях – как лексикографическое (методами традиционной семасиологии) и психологически реальное значение (методами экспериментальной семасиологии и психолингвистики), а концепт описывается лингвистами как единица когнитивного сознания (концептосферы) народа (лингвокогнитивными методами).

Значение – единица семантического пространства языка, то есть элемент упорядоченной совокупности, системы значений конкретного языка. Значение включает сравнительно небольшое количество семантических признаков (сем), которые являются общеизвестными для данного социума и связаны с функционированием соответствующей звуковой оболочки (лексемы). Семантика слова обеспечивает взаимопонимание народа в процессе коммуникации.

Концепт – единица концептосферы, то есть упорядоченной совокупности единиц мышления народа. Концепт включает все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития. Концепт обеспечивает осмысление действительности сознанием.

Лингвисты, изучающие языковые значения, изучают языковое сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание; лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами.

Описание значения как факта языкового сознания – задача семасиологии как отрасли языкознания; описание концепта через язык как единицы когнитивного сознания – задача лингвокогнитологии.

Карасик В.И. Языковой круг. М.: «Гнозис», 2004. 369 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: «Гнозис», 2003.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993, С.16-21.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3. М., 1972.

Леонтьев А.А. Общение как объект психолингвистического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

Леонтьев А.Н. Психолингвистические вопросы сознательности учения // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. - Вып.7. - М, 1947.

Опубликовано в:
...Слово отзовется / Под ред. И.Г.Овчинниковой.
Пермь, 2006. С.132 -138.

Структурная организация концепта

Семантико-когнитивный подход в когнитивной лингвистике (Попова, Стернин 2007) исходит из идеи структурной членимости концепта на макро – и микрокомпоненты.

Микрокомпоненты концепта – это отдельные когнитивные признаки, которые в свою очередь объединяются в макрокомпоненты, образуя макроструктуру концепта.

Макроструктура концепта включает:

образный компонент, который отражает собой базовый образ универсального предметного кода, кодирующий соответствующий концепт как единицу мышления (включает перцептивные и когнитивные образы);

информационный минимум (основное информационное содержание, информационное ядро) – совокупность основных дифференциальных признаков концепта, определяющих его основное содержание и отграничивающие его от сходных концептов;

энциклопедическое содержание концепта, которое включает дополнительные по отношению к информационному минимуму концепта когнитивные признаки, сведения, приобретаемые носителями языка в ходе получения личного жизненного опыта, обучения, практического взаимодействия с денотатом концепта и т.д. Сюда входят исторические сведения, виды и типы денотата концепта, сведения о частоте встречаемости концептуализируемого явления в реальной действительности и др.

К примеру, для концепта *Москва* – это такие признаки как *древний город, основан в 1147 г., место расположения оптовых рынков для челноков, мэр Лужков, мишень для терактов, много иностранцев, долго строился, захватывали французы, не захватили немцы, Город – Герой и т.д.*

Для концепта *гроза* - это такие признаки как *опасна для человека, наиболее опасна шаровая молния, бывает обычно летом, губит самолеты, препятствует полетам, нарушает работу электроприборов, нельзя прятаться под высокими деревьями, вызывает страх у детей и под.*

Концепт *вода* - *вода бывает голубая, воды часто не бывает, без воды и не туды и не сюды, за воду дорого платить, в воде приятно купаться, зимой вода холодная и т.д.*

Энциклопедических когнитивных признаков в концепте обычно обнаруживается много, но часто они имеют ярко выраженный групповой и индивидуальный характер; энциклопедические признаки являются основой интерпретационного поля концепта;

интерпретационное поле, включающее когнитивные признаки, тем или иным образом интерпретирующие образ, информационный минимум и энциклопедическое содержание концепта.

Интерпретационное поле вычленяет в своем составе некоторые зоны. Основные из них таковы.

Утилитарная зона – объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями использования денотата концепта для каких-либо практических целей – его функции, для чего он нужен, чего с его помощью можно достичь, какие последствия для человека несет его использование или применение, каких действий требует уход за денотатом концепта и т.д.

Например:

Концепт *автомобиль* – много хлопот, дорого эксплуатировать, удобно ездить летом на дачу, зимой не нужен;

Концепт *английский язык* – сейчас без него никуда, необходимый современному человеку;

Концепт *собака* – дорого обходится содержание, от нее шерсть везде валяется, с большой собакой дома спокойнее;

Концепт *кошка* – лечит болезни, приятно гладить;

Концепт *счастье* – во многом зависит от везенья;

Концепт *Москва* – агрессивная, суетливая, шумная, богатая, активная, высокомерная, утомительная, место, где есть работа, большая деревня, золотлюбивая, политическая, модная, дорогой город,

Общеоценочная зона – объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (хороший, плохой, великолепный, гадкий и т.д.);

Концепт *русский язык* – хороший, красивый, выразительный

Концепт *Москва* – отвратительная (не люблю), чарующая, гламурная

Концепт *Ярославль* – красивый, любимый

Регулятивная зона – объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать с денотатом концепта, в сфере, «покрываемой» концептом. Например:

Концепт *русский язык* – его надо учить, надо говорить культурно;

Концепт *закон* – надо охранять, надо соблюдать, наказывать нарушителей, нельзя нарушать;

Концепт *быт* – надо поддерживать, должен быть удобным;

Концепт *зуб* – надо вовремя лечить;

Концепт *собака* – нужно кормить, выводить два раза в день;

Концепт *автомобиль* – надо ездить по правилам;

Концепт *улица* – надо переходить по переходу;

Концепт *брань* – после брани необходимо мириться, в брань между близкими родственниками не должен вмешиваться посторонний человек, не следует бранить за глаза, не следует обращать внимание на брань пьяного человека.

Социально-культурная зона – объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, историей, достопримечательностями, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и под.

Ср.:

концепт *гроза*: ей посвящены литературные произведения (Островский, пьеса «Гроза», Катерина, люблю грозу в начале мая);

концепт *русский язык* – на нем говорят известные люди (Пушкин, Лермонтов, Есенин, Ленин), на нем написаны известные литературные произведения («Война и Мир», «я русский бы выучил только за то...», любимые книги, язык любимых книг, чтение книг, «Ночь на Ивана Купала»), источник фольклора (частушки, песни), на нем говорят страдающие люди (бедность, нищета, революции, войны, на нем говорят в деревенской России (луг, поле, березки, деревня, сарафан, кокошник и др).;

концепт *брань* – характерна для повседневной речи мужчин, рабочих, уголовников, пьяных, тюремных охранников, несвойственна женскому коммуникативному поведению;

концепт *Москва* - стадион «Лужники», есть метро, Кремль, центр - Красная площадь, есть ГУМ и ЦУМ, Большой театр, многонациональная, культурная, бездуховная, политическая, публичная.

концепт *Ярославль* – многочисленные церкви, исторические памятники, памятники искусства, Стрелка.

Социокультурные признаки часто трудно отграничить от энциклопедических, четкой грани между ними нет.

Мифологическая зона - зона, объединяющая когнитивные признаки, сформировавшиеся под влиянием мифологических представлений о денотате концепта, приписываемые денотату концепта стереотипным, мифологическим сознанием.

Например:

концепт *русский язык* – великий, могучий, свободный;

концепт *Москва* – великая, третий Рим;

концепт *Ярославль* - Ярослав Мудрый, медведь, великий, величественный.

Мифологические зоны обычно выявляются у небольшого количества общественно-значимых концептов.

Идентификационная зона – зона, объединяющая когнитивные признаки, индивидуализирующие концепт, то есть иллюстрирующие типичное материальное воплощение концепта в реальной действительности, конкретный прототип концептуализируемого явления.

Например, в концепте *женщина* в идентификационную зону войдет такие признаки как *Диана, Дашкова, Екатерина II, Елизавета*; в концепте *гроза* - *Иван Грозный*; в концепте *свободная страна* – *это не Россия*, в концепте *певица* – *Алла Пугачева*, в концепте *поэт* – *Пушкин, Лермонтов*, в концепте *город* – *Москва. Нью-Йорк, Воронеж*, в концепте *деревня* – *моя* и т.д.и под.

Идентификационная зона есть в небольшом количестве концептов, допускающих персонифицированное представление.

В ряде концептов отчетливо выделяются *когнитивные слои*. Под когнитивным слоем концепта понимается совокупность когнитивных признаков, отражающих содержание концепта по определенному когнитивному признаку. Можно говорить об оценочном и неогночном когнитивных слоях, а также о современном и историческом когнитивных слоях.

Исторический когнитивный слой включает когнитивные признаки, которые некогда широко обсуждались и имели поэтому языковые обозначения, которые постепенно вышли из широкого употребления и представляют собой лишь исторический срез концепта, отражают своего рода когнитивную память народа.

Исторический когнитивный слой обычно составляют когнитивные признаки, объективируемые устаревшими поговорками или устаревшими словами и фразеологизмами.

Так, в концепте *жена* устарел признак *жену надо бить* (люби жену как душу, тряс ее как грушу), в концепте *брань* – *надо терпимо относиться к брани* (брань не дым, глаза не выест) и др.

Оценочный слой включает все оценочные признаки – как из зоны общей оценки, так и конкретные признаки из других зон, имеющие оценочный характер (например, отражающие эстетическую (красивый/некрасивый), эмоциональную (приятный/неприятный), интеллектуальную (умный/ глупый), нравственную (добрый/злой, законный/незаконный, справедливый /несправедливый) и под. оценку.

Значительное количество когнитивных признаков, образующих оценочный слой концепта, позволяет говорить об оценочности данного концепта. Можно также

говорить об оценочной акцентуации концепта – положительной или отрицательной, в зависимости от преобладания отрицательной или положительной оценки.

Так, в концепте *брань* оценочных когнитивных признаков из общего количества – 118 – выявлено 58; индекс оценочности концепта составляет 0,49. Индекс историчности содержания концепта «Брань» составил 0,4.

Представляется, что все типы макрокомпонентов концепта выделяются во всех концептах, но их объем и яркость могут существенно различаться в разных типах концептов. В некоторых концептах образ занимает значительную часть содержания концепта, может быть много когнитивных образов, в других когнитивные образы могут совершенно отсутствовать, а выявляются лишь перцептивные образы, образное содержание может проявляться слабо. В концептах высокой уровни абстракции (категориях) образ обычно ослаблен, а информационный минимум достаточно объемен. Может существенно различаться объем энциклопедических зон.

Различна структура интерпретационных полей разных концептов. Так, регулятивные, мифологические идентификационные зоны выделяются не у всех типов концептов.

Таким образом, при сохранении макроструктуры концепта – образ, информационное, энциклопедическое содержание и интерпретационное поле – объем и структура каждого из этих компонентов варьирует в зависимости от конкретного типа описываемого концепта. Сравнение концептов по объему структурных компонентов позволяет делать выводы об особенностях концептуализации действительности, отраженной в этих концептах, позволяет сравнивать концепты по структуре и устанавливать их когнитивную специфику, выявлять особенности когнитивной картины мира народа.

Катуков С.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта *брань* в русском языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Изд.2. перераб и доп. Воронеж: «Истоки». 2007.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт русский язык в русском языковом сознании. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

Фисенко О.С. Концепт гроза в русском языковом сознании. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

Опубликовано в:
Культура общения и ее формирование. Вып.18.
- Воронеж, 2007. С. 26-30.

Теоретические основания семантико-когнитивного подхода к языку²

Развиваемый нами подход к лингвокогнитивным исследованиям мы обозначаем как *семантико-когнитивный*, подчеркивая этим названием основное направление исследования - исследование *соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными*. <...>

Главное положение этой методологии состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно проникать в концептосферу людей, можно выяснять, что было

² Концепция разработана совместно З.Д.Поповой и И.А.Стерниным.

важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным. На основе этого методологического положения были разработаны методы когнитивной лингвистики, которые теперь уже позволяют обнаруживать особенности не только национального, но и группового мышления, и все разнообразие индивидуально-авторских концептосфер.

Основные постулаты развиваемого нами подхода таковы.

Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода и составляющими базу универсального предметного кода (Выготский 1982, Жинкин 1958, 1982, 1998, Горелов 1980, 2003, Горелов, Седов 1998).

Концепт - принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности.

Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу.

Язык - одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания.

Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц становятся *методами* лингвокогнитивного исследования. Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, *репрезентирующих (объективирующих, вербализующих, овнешняющих)* в языке тот или иной концепт.

Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Совокупность значений языковых единиц образует семантическое пространство языка.

Концепт - единица концептосферы, значение - единица семантического пространства языка.

Значение - элемент языкового сознания, концепт - когнитивного («общего»).

Концепт и значение в равной мере - явления мыслительной, когнитивной природы.

Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закреплённая языковым знаком в целях коммуникации.

Разграничиваются психолингвистическое значение («психологически реальное», то есть во всем объеме семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка; выявляется преимущественно экспериментальными приемами) и «лексикографическое» значение (кратко сформулированное, отраженное в толковых словарях). Концепт, если он назван, включает как свою составную часть психолингвистическое и лексикографическое значения, но по объему своего содержания остается неизмеримо больше, чем оба вышеназванных значения.

Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами.

В акте речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт - путь к описанию вербализуемой части концепта.

Причины вербализации или отсутствия вербализации концепта - чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта). Наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления. В сознании существует большое количество невербализованных концептов. Значительная часть концептов индивидуального сознания вообще не подлежит вербализации.

Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о номинативной плотности (термин В.И.Карасика) данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа.

Концепт может быть вербализован в случае коммуникативной необходимости различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта.

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Концепты внутренне организованы по полювому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле.

Структура концепта образована когнитивными признаками разного ранга, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полювому признаку.

Наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта. Концепты имеют национальные особенности содержания и структуры; возможны эндемичные концепты, возможна лакуарность концепта.

Метод семантико-когнитивного анализа предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов в ходе особого этапа описания - когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация - тот этап семантико-когнитивного анализа, без которого исследование остается в рамках лингвистической семантики.

Опубликовано в:

З.Д.Попова, И.А.Стернин. Когнитивная лингвистика.

М.: «Восток-Запад», 2007, с.18-23.

Приводится в сокращении.

Когнитивная семасиология и лингвоконцептология³

Обеспечив выявление и описание соответствующих концептов, семантико-когнитивный подход предоставляет исследователям две дальнейших возможности использования полученных данных:

возвращение к языку: использование полученных когнитивных знаний для объяснения явлений и процессов в семантике языка, углубленного изучения лексической и грамматической семантики; такое направление исследования представляет собой *когнитивную семасиологию*;

движение к сознанию: моделирование концептов как единиц национальной концептосферы, национальной культуры; данное направление будет представлять собой *лингвистическую концептологию*.

В *когнитивной семасиологии* исследуется, какие компоненты концепта как глобальной мыслительной единицы вошли в семантическое пространство языка (т.е. в семантику единиц, стали семами языковых единиц), какие когнитивные процессы определили и определяют формирование и развитие семантики соответствующих языковых единиц. Когнитивный терминологический аппарат используется для объяснения языковых явлений и процессов. «Соотнесение языковых форм с их когнитивными аналогами и прежде всего ... соотнесение их с разными когнитивными структурами – это только *способ объяснить (выделено авторами)* их особенности или функциональные характеристики» (Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и

³ Концепция разработана совместно З.Д.Поповой и И.А.Стерниным.

актуальных проблемах когнитивной лингвистики / «Вопросы когнитивной лингвистики» - 2004, - № 1. –С 13).

Когнитивная семасиология использует понятие *концепт*, во-первых, как *инструмент* для *ограничения* исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединяемых репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях, во-вторых, как инструмент объяснения и углубленного описания семантики единиц языка.

Лингвистическая концептология использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы.

Задача лингвистической концептологии: выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т.е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт и, описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, ассоциативных полей, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования, смоделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии и определить место исследуемого концепта в концептосфере.

Семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях свидетельствует, что путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен, и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт (сравните, например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств - музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.).

Опубликовано в:

З.Д.Попова, И.А.Стернин. Когнитивная лингвистика.

М.: «Восток-Запад», 2007, с.18-23.

Приводится в сокращении

Понятие когнитивной интерпретации

Семантико-когнитивное направление когнитивной лингвистики исследует концепты через значения номинирующих их языковых единиц.

Языковые средства выступают средством материализации языкового сознания. В рамках Московской психолингвистической школы А.А.Леонтьева и Е.Ф.Тарасова языковое сознание рассматривается как сознание, овнешняемое языковыми средствами и формируемое в процессе речевого общения. Оно исследуется через овнешняющие его содержание языковые средства.

К языковым средствам, овнешняющим языковое сознание, в данной концепции относятся отдельные слова, свободные словосочетания, фразеологизмы, структурные синтаксические схемы, паремии, тексты и ассоциативные поля. Ср.: языковое сознание – это «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных знаний, полученных от органов чувств в предметной деятельности» (Тарасов 2003, с.3).

Предметом исследования когнитивной лингвистики являются значения языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, т.е. языковое сознание, а конечной целью – реконструкция (моделирование) концепта как мыслительной единицы по данным языка, то есть реконструкция когнитивного сознания.

В связи с этим важнейшим этапом семантико-когнитивного исследования является когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц – именно этот этап процедуры лингвокогнитивного исследования «переводит» языковые данные в когнитивные и позволяет приступить к моделированию концепта. Другие направления когнитивной лингвистики данного этапа не предусматривают или не выделяют как отдельный этап методики, растворяя его в анализе семантики. В семантико-когнитивном направлении интерпретация результатов лингвистического описания номинативного поля концепта – важнейший и абсолютно необходимый этап исследования.

Под когнитивной интерпретацией понимается *мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, объективируемых теми или иными языковыми единицами, с целью итогового моделирования содержания исследуемого концепта.*

Все полученные до когнитивной интерпретации семантические описания – еще не описания содержания и структуры концепта, это толкования значений номинативных единиц, называющих отдельные когнитивные признаки, вербализованные теми или иными языковыми средствами.

Без этапа когнитивной интерпретации построение модели концепта невозможно – если данный этап миновать, то при моделировании концепта с *концептом* будут отождествлены значения единиц, номинирующих его, что не соответствует когнитивной реальности, существенно искажает и обедняет модель концепта.

Выявление когнитивных признаков

Это первый этап когнитивной интерпретации результатов семантического описания единиц номинативного поля концепта.

Когнитивная интерпретация сем

Итогом предыдущего этапа семантико-когнитивного исследования – описания семантики единиц номинативного поля концепта – является максимально полное описание значений языковых единиц. В итоге получается описание значений через перечисление образующих их сем: каждое значение представлено своим набором сем.

Установление сем, образующих значения разных языковых единиц, номинирующих концепт, позволяет выявить их более или менее полный набор, отражающий когнитивные признаки исследуемого концепта.

Так, О.Ю.Лукашкова исследовала концепт *друг*. Лексема *друг* была сопоставлена с синонимами – *приятель, товарищ*. Анализ словарных дефиниций трех исследуемых слов по Словарю синонимов под ред. А.П.Евгеньевой позволяет выявить для слова *друг* такие семантические компоненты как «избранный» («Приятелей у Гаврика было много, а настоящих друзей всего один – Петя») и «интимность» (ср. друг и товарищ) (Лукашкова 2001). Все эти компоненты интерпретируются как когнитивные признаки концепта *друг*, а разные синонимы актуализируют разные аспекты этого концепта.

Затем совпадающие или близкие по содержанию семы, выделенные в единицах номинативного поля концепта, обобщаются (то есть сводятся к одному признаку) и интерпретируются как единый когнитивный признак концепта. Если семы имеют показатель яркости (являющийся результатом подсчета количества текстовых

реализаций или частотности соответствующего ассоциата), то семы, обобщаемые в процессе когнитивной интерпретации в единый когнитивный признак, получают суммарную частотность из сложения отдельных реализаций данного признака.

Далее происходит ранжирование когнитивных признаков по яркости.

Ранжирование позволяет распределить когнитивные признаки по зонам – ядро, ближняя, дальняя периферия и интерпретационное поле. При наличии материалов экспериментов яркость тех или иных признаков определяется в процентах, выделяются профилирующие когнитивные признаки.

Когнитивная интерпретация паремий

Паремии подвергаются когнитивной интерпретации в форме обобщения паремиологических смыслов (сведение близких смыслов к одному более обобщенному смыслу); определяется относительная частота выражения тех или иных смыслов в собранном паремиологическом материале – в скольких паремиях из их общего количества выражен тот или иной смысл; устанавливаются наиболее часто объективируемые паремиологические смыслы.

Когнитивная интерпретация паремий предполагает, что на основе анализа их смысла формулируются соответствующие когнитивные признаки в виде утверждений о концепте. Если не удастся сформулировать признак как утверждение, то такая паремия исключается из дальнейшей интерпретации как не несущая для современного носителя языка однозначной информации.

Если возможны несколько интерпретаций, необходимо опросить информантов и выявить доминирующую. Если интерпретации оказываются равновероятными, то признается многозначность паремии и принимаются в учет все интерпретации.

Так, были проанализированы словари пословиц и поговорок русского народа для выявления паремий о русском языке. Корпус исследуемого паремиологического материала (паремиологическое поле) составил более 200 паремий. Эти паремии объективируют, к примеру, такие когнитивные признаки концепта *русский язык*:

Язык обладает большим влиянием (6 паремий – 3% от общего числа паремий): Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит; Язык мал, великим человеком ворочает; Мал язык – горами качает; Мал язык, да всем телом владеет.

Язык может быть опасен для человека (7 – 3,5%): Не ножа боясь – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут; Всякая сорока от своего языка гибнет;

Язык делает человека болтливым (6 – 3%): Язык болтает, а голова не знает; Что знает, все расскажет, и чего не знает, и то скажет; Язык – балаболка; Язык блудлив, что коза; Язык ворочается, говорить хочется; Язык без костей, во все стороны ворочается.

Говорить легче, чем работать (4 – 2%): Скоро то говорится, а не скоро делается; Скоро сказано, кабы да сделано; Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Из лука – не мы, из пищали – не мы, а зубы поскалить, язык почесать – против нас не сыскать и т.д.

Паремии, объективирующие концепт «русский язык», дают как положительную, так и отрицательную оценку языка, причем негативные коннотации присутствуют в большем количестве (35%), чем позитивные (5%).

Самым актуальным для носителей русского языка оказался когнитивный признак приоритетности молчания (32,5% от общего числа паремий).

Когнитивная интерпретация результатов ассоциативных экспериментов

Ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта. Ассоциаты, близкие по своему семантическому содержанию, обобщаются в интегральный когнитивный признак, который формулируется словесно. Для наименования формулируемого когнитивного признака выбирается обычно наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово.

Так, в свободном ассоциативном эксперименте с 50-тью испытуемыми на слово-стимул *Земля* ассоциаты *большая 20, огромная 3, очень большая 2* интерпретируются как объективация обобщенного когнитивного признака *большая*, и частотность отдельных ассоциатов суммируется - 25; ассоциаты *круглая 24, огромный шар 2, земной шар 4, шарообразная 2* обобщаются в когнитивный признак *круглая 30* и т.д.

В ассоциативном эксперименте со словосочетанием *русский язык* интерпретируются как когнитивные признаки данного концепта:

богатый 132 (разнообразный, масштабный, многообразный, всеобъемлющий, широкий);

хороший 90 (хороший, замечательный, лучший, клевый, обалденный, нормальный, крутой, отличный);

сложный 57 (сложный, трудный, тяжелый, заумный);

легкий 46 (легкий, простой, доступный, понятный, доходчивый) и т.д.

Можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в группах испытуемых, говорящих на разных языках, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам. Таким образом может быть выявлена национальная, гендерная, социальная, возрастная специфика соответствующих концептов.

Важно отметить, что в процессе когнитивной интерпретации в качестве когнитивных признаков концепта интерпретируются *все* полученные ассоциаты, включая единичные. Так, при когнитивной интерпретации стимула *правда* в качестве когнитивных признаков формулируются признаки, объективируемые такими единичными реакциями как газета (*есть газета «Правда»*), глаза (*правду говорят в глаза*), жизни (*правда должна отражать реальное положение дел в жизни*), горькая (*может быть и горькой, неприятной*), боль (*может доставлять боль*), лучше горькая (*лучше сказать правду, даже если она горькая*), во вред (*правда может быть во вред человеку*), горечь (*может доставить горечь*), иллюзия (*может быть иллюзией*), комсомольская (*есть газета «Комсомольская правда»*), лезвие бритвы (*правду говорить опасно – как ходить по лезвию бритвы*), сила (*говорить правду – это проявлять силу, правда обладает общественной силой*), смелый поступок (*говорит правду требует смелости*), совесть (*совесть человека побуждает его говорить правду*) у волка своя, у зайца своя (*понятие о правде различно у разных людей*), тяжелая ноша (*быть носителем правды тяжело*) и т.д.

Когнитивная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов показывает, что в структуре концепта могут выделяться и быть при этом достаточно яркими противоречащие друг другу когнитивные признаки, ср. в концептах английский язык, русский язык – *легкий, трудный*; это – одно из существенных доказательств принципиального различия между концептом и значением слова - в последнем противоречащие признаки исключены. Противоречащие признаки включаются в интерпретационное поле концепта.

Когнитивная интерпретация метафор

Когнитивные метафоры в процессе когнитивной интерпретации должны быть сформулированы как отражение определенных содержательных признаков, входящих в

структуру концепта. Эти признаки извлекаются из содержания метафоры, преимущественно из основания сравнения, которое легло в основу метафоры.

Так, когнитивная метафора «огонь острый» (колет, пронизывает, распарывает) может быть интерпретирована как «причиняет боль, ущерб»; «огонь живой» и «огонь жидкий» (дышит, вздыхает, задыхается, течет, разливается, растекается, может взметнуться, воспринимается как струя) – как «активно функционирует», «постоянно движется и меняется» и т.д.

Интерпретация когнитивных метафор – сложная и далеко не всегда однозначно решаемая задача, поскольку, во-первых, в основу метафоры могут лечь несколько когнитивных признаков «метафоризируемого» объекта, а во-вторых, средством метафоризации часто выступает глубоко субъективное восприятие предмета или явления; именно поэтому во многих случаях метафоры с трудом поддаются когнитивной интерпретации. В таком случае метафора не может служить источником данных о когнитивных признаках соответствующего концепта.

Выявление когнитивных классификационных признаков

Вторым этапом когнитивной интерпретации результатов описания концепта является обобщение отдельных когнитивных признаков и выявление на их основе когнитивных классификационных признаков (когнитивных классификаторов), используемых для концептуализации данного явления. Близкие когнитивные признаки интерпретируются как репрезентации отдельного когнитивного классификационного признака концепта, а их частотность, установленная в ходе эксперимента или анализа текстов, суммируется для определения яркости, актуальности в структуре концепта тех или иных когнитивных классификаторов.

Так, когнитивные признаки *богатый, бедный*, выделенные в концепте *русский язык*, обобщаются классификационным признаком *богатство словарного состава*, когнитивные признаки *хороший, плохой* – классификационным признаком *общая оценка*, когнитивные признаки *сложный, простой* – классификационным признаком *доступность освоения*; когнитивные признаки *красивый, некрасивый* – классификационным признаком *эстетической оценки*, признаки *распространенный, известный, всемирный, широко изучаемый, многонациональный* – классификационным признаком *распространенность*, признаки *звучный, мелодичный, напевный, лирический, певучий, музыкальный* – классификационным признаком *звуковой образ* и т.д.

Все выявленные когнитивные признаки интерпретируются как объективация, репрезентация определенных когнитивных классификационных признаков; выявление когнитивных классификационных признаков позволяет выявить особенности концептуализации денотата концепта когнитивным сознанием.

Опубликовано в:

З.Д.Попова, И.А.Стернин. Когнитивная лингвистика.

М.: «Восток-Запад», 2007. С.198-210.

Приводится в сокращении.

Структура концепта

Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Исследование концептов через семантику объективирующих их единиц дает возможность описать языковое сознание носителей языка – то есть ту часть их когнитивного (общего) сознания, которая находит овеществление в языковых единицах. При этом когнитивное сознание как совокупность ментальных единиц (концептов) содержит не только те признаки концептуализируемых предметов и явлений, которые

нашли отражение в семантике называющих их единиц (концепт шире своей языковой репрезентации), в нем всегда есть когнитивные признаки, которые не нашли объективации в языке, но являются его неотъемлемыми составными частями в силу отражательного характера концепта.

Описание семантики единиц есть описание языкового сознания, которое выступает как часть когнитивного. Поэтому, описывая концепты в рамках семантико-когнитивного подхода, лингвист описывает только языковое сознание – то есть доступную исследованию его методами часть когнитивного сознания.

Лингвокогнитивное описание концептов – это описание концептов в языковом сознании носителей языка, поскольку выводы лингвиста о структуре и содержании описываемых концептов ограничены лингвистическим материалом и лингвистическими методами. Но языковое сознание – часть когнитивного, и поэтому, описывая языковое сознание, мы описываем весьма существенную (если не основную) часть когнитивного сознания народа. Как показывает практика, для гуманитарных наук лингвокогнитивный подход к описанию концептов – наиболее эффективный способ выявления содержания и структуры концептов как ментальных единиц.

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Макрокомпоненты концепта

В структуре концепта разграничиваются микро- и макрокомпоненты.

Микрокомпоненты концепта – это отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

Микрокомпоненты в свою очередь объединяются в макрокомпоненты, которые отражают содержательные типы информации (знаний), представленной в концепте. Макрокомпоненты образуют макроструктуру концепта. Макрокомпоненты концепта таковы.

Образный компонент, который представляет собой базовый образ универсального предметного кода (образ УПК, по Н.И. Жинкину и И.Н. Горелову), кодирующий соответствующий концепт как единицу мышления.

Образный компонент включает в себя перцептивные и когнитивные образы.

Перцептивный образ отражает результаты восприятия референта концепта органами чувств – зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом.

Например:

концепт *культурный* – опрятный, красиво одевается, красивый;

концепт *брань* – лающая собака, собачий лай.

Когнитивный образ отражает связи содержания концепта с другими концептами. В качестве когнитивных образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики денотата концепта:

концепт *брань*

– нечистота, грязь (обливать грязью, поливать руганью, изрыгать);

– разрушение (разносить, разделать)

концепт *русский язык*

– благородный, щедрый, добрый, славный, доброта, заботливый, человечный, святой, гостеприимный, справедливый, честный, смелый,

– умный, интеллектуальный, разумный, мудрый, глубокий, логичный, гениальный, одаренный;

– игривый, живой, задорный, грациозный, изящный, льющийся, приветливый, болтливый, парящий;

– культурный, интеллигентный, цивилизованный, тактичный, воспитанный;

– смешной, прикольный, искренний, веселый, открытый, прямой, юмористический, прямолинейный;

Энциклопедическое поле концепта включает в себя когнитивные признаки, отражающие прежде всего осмысление *собственных*, онтологических признаков концептуализируемого явления, отличающих его от сходных предметов и явлений.

Энциклопедические сведения приобретаются носителями языка в ходе получения индивидуального жизненного опыта, в процессе обучения, практического взаимодействия с концептуализируемым предметом или явлением и т.д. При этом у разных групп индивидов (возрастных, гендерных, профессиональных, территориальных и др.) и для отдельных индивидов эти сведения могут существенно различаться как по составу, так и по яркости отдельных когнитивных признаков.

Энциклопедические признаки – это, прежде всего, *родовой признак* концептуализируемого явления – указание на общую категорию, к которой относится данное явление:

- гроза - явление природы
- русский язык - средство общения
- байдарка - лодка
- любовь - чувство

Эти признаки образуют *категориальную зону* энциклопедического поля. Это поле включает в себя категориальные признаки концепта - родовые признаки различного уровня абстракции, например: *предмет, средство передвижения, средство передвижения по воде, лодка* - для *байдарки*.

Категориальных признаков в структуре концепта обычно выделяется немного, поскольку они в сознании людей не обладают большой яркостью, хотя носители языка их, несомненно, осознают.

В энциклопедическую информацию входят также отличительные признаки явления или предмета, то есть такие когнитивные признаки, которые отличают концепт от близких к нему по содержанию видовых концептов. Обычно это наиболее существенные признаки концептуализируемого предмета или явления, выделяемые когнитивным сознанием народа как дифференциальные, например:

- гроза* - молния, гром, осадки, ветер;
- русский язык* - функционирует в России, предмет изучения в школе;
- байдарка* - легкая, узкая, без уключин.

Такие признаки образуют *дифференциальную зону* энциклопедического поля концепта. Они могут отражать такие признаки концептуализируемого предмета или явления, как функция, составные элементы, размер, высота, цвет, качество, место распространения и т.д.

Выделение дифференциальных признаков концепта часто представляет большую трудность, так как понятие существенности дифференциального признака в общем субъективно, субъективен обычно и подбор концептов, близких исследуемому. В семантико-когнитивном подходе предлагается дифференциальными признаками считать *яркие* признаки, которые *отличают* данный концепт от близких концептов. Практика лингвокогнитивного анализа показывает, что в большинстве случаев удается достаточно убедительно обосновать включение того или иного когнитивного признака в состав дифференциальных.

Кроме этого, в энциклопедическом поле концепта выделяется *описательная зона*, куда входят многочисленные признаки, характеризующие различные свойства и проявления предмета или явления, сведения о которых получены людьми в процессе приобретения общественного и личного опыта, в ходе познания явления или предмета.

Описательные признаки характеризуют концептуализируемый предмет или явление с разных сторон, отражая те его свойства и проявления, которые в тех или иных ситуациях оказывались существенными для людей. Сюда входят также знания о видах,

типах и разновидностях концептуализируемого явления, исторические сведения о нем, сведения о степени распространенности этого явления в современной действительности и др. Все эти признаки образуют описательную зону концепта.

К примеру, описательными когнитивными признаками для концепта *гроза* будут: *бывает обычно летом, губит самолеты, препятствует полетам, нарушает работу электроприборов, вызывает страх у детей* и под.

Концепт *вода*: *вода бывает голубая, в воде бывают вредные бактерии, зимой вода холодная, формула воды H₂O* и т.д.

Концепт *русский язык*: *большой объем словарного состава, широкая распространенность* и т.д.

Сюда же входят когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, историей, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и под. Ср.:

концепт *гроза*: *ей посвящены литературные произведения (пьесы «Гроза», Катерина, люблю грозу в начале мая)*;

концепт *русский язык*: *на нем написаны известные литературные произведения («Война и Мир», «я русский бы выучил только за то...», любимые книги, язык любимых книг, чтение книг, «Ночь на Ивана Купала»), источник фольклора (частушки, песни), на нем говорят страдающие люди (бедность, нищета, революции, войны), на нем говорят в деревенской России (луг, поле, березки, деревня, сарафан, кокошник и др.)*;

Концепт *вода*: *без воды и не туды и не сюды* и т.д.

В энциклопедическом поле многих концептов выделяется также *идентификационная зона* – зона, объединяющая когнитивные признаки, индивидуализирующие концепт, то есть иллюстрирующие типичное материальное воплощение концепта в реальной действительности, несущие информацию о конкретном прототипе концептуализируемого явления. Это когнитивные признаки, отождествляющие концепт с его конкретными физическими репрезентантами.

Например, в концепте *женищина* в идентификационную зону входят такие репрезентанты как *Диана, Дашкова, Екатерина II, Елизавета*;

в концепте *невища* – *Алла Пугачева*,

в концепте *поэт* – *Пушкин, Лермонтов*,

в концепте *город* – *Москва, Нью-Йорк, Воронеж*,

в концепте *русский язык* – *Пушкин, Лермонтов, Есенин, Ленин, Островский*;

Сюда же, видимо, будут относиться часто выявляющиеся в экспериментах дейктические признаки типа *мой, родной, чужой (то есть не мой, не родной)* и под., и отсылающие к единичному объекту:

в концепте *деревня* – *моя*,

в концепте *муж* – *мой, Танькин*,

в концепте *город* – *родной, Воронеж, Москва* и под.

Идентификационная зона есть в концептах, допускающих персонифицированное представление.

В некоторых концептах в энциклопедическом поле выделяется *мифологическая зона*, объединяющая когнитивные признаки, сформировавшиеся под влиянием мифологических представлений о предмете или явлении. Соответствующие признаки приписываются концептуализируемому предмету или явлению мифологическим сознанием, отражают общественный стереотип, касающийся явления.

Например:

концепт *Москва* – *великая, третий Рим*;

концепт *Ярославль* – *Ярослав Мудрый, медведь, великий, величественный*.

концепт *русский язык* – *великий, могучий, свободный*.

Мифологические зоны обычно выявляются у небольшого количества общественно значимых концептов.

Энциклопедических когнитивных признаков в концепте обычно обнаруживается достаточно много, но очень часто они имеют ярко выраженный групповой или индивидуальный характер, что не случайно в силу того, что они отражают личный опыт людей в деятельности, связанной со сферой, покрываемой соответствующим концептом.

Интерпретационное поле концепта – это совокупность когнитивных признаков, так или иначе интерпретирующих образ и энциклопедическое содержание концепта, представляющих собой их практическое осмысление сознанием человека. Можно сказать, что интерпретационные признаки – результат дополнительного размышления народа над основным содержанием концепта.

В интерпретационном поле также вычленяются отдельные зоны. Основные зоны таковы.

Оценочная зона интерпретационного поля объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (*хороший, плохой, великолепный, счастье, восхитительный, гадкий, отвратительная, подлец, сволочь, мерзость* и т.д.), а также яркую оценку по какому-либо конкретному параметру – эстетическому, моральному, эмоциональному и др. (*очаровательная, добрый, умный, смелый, вежливый, чрезмерно вежливый, ленивый*).

Например:

концепт *русский язык* – *хороший, красивый*;

концепт *Москва* – *отвратительная (не люблю), чарующая, гламурная*;

концепт *Ярославль* – *красивый, любимый*.

Если когнитивный признак содержит оценку, но она не доминирует в содержании этого признака, то соответствующий признак будет входить не в оценочную, а в другие зоны, например, такие признаки, как *грамотный, находчивый умеет общаться, вызывает интерес, отсутствие грубости* – в концепте *культурный*, хотя они и войдут в общий *оценочный слой* концепта, который включает совокупность всех оценочных признаков, независимо от того, в каком макрокомпоненте концепта или в какой зоне они обнаруживаются (см. об оценочном слое ниже).

Оценочная зона относится к интерпретационному полю, поскольку оценка – всегда факт некоторой интерпретации тех или иных признаков или свойств объекта концептуализации, она всегда вторична по отношению к категоризации основных свойств объекта.

Общеоценочные признаки находят отражение только в интерпретационном поле, конкретные же оценочные признаки могут присутствовать и в разных зонах энциклопедического поля – дифференциальной, описательной, идентификационной. Поэтому сумма процентной *представленности* образа и энциклопедической зоны может не составлять 100%, поскольку в общую структуру концепта могут входить общеоценочные признаки, которые представлены в оценочной зоне интерпретационного поля.

Утилитарная зона объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к концептуализируемому явлению; отражающие знания, связанные с возможностью и особенностями использования предмета или явления людьми для каких-либо практических целей – информация о том, *для чего он нужен*, чего с его помощью можно достичь, об условиях его функционирования, какие последствия для человека влечет его использование или применение, каких действий со стороны людей требует данный предмет или явление при пользовании им и т.д.

Например:

концепт *автомобиль* – *много хлопот, дорого эксплуатировать, удобно ездить летом на дачу, зимой не нужен*;

концепт *английский язык* – *сейчас без него никуда, необходимый современному человеку*;

концепт *собака* – *дорого обходится содержание, от нее шерсть везде валяется, с большой собакой дома спокойнее*;

концепт *кошка* – *лечит болезни, приятно гладить*;

концепт *гроза* – *опасна для человека, наиболее опасна шаровая молния, нельзя прятаться под деревом* и т.д.

Утилитарная зона близка к энциклопедическому полю, поскольку также отражает признаки, полученные в результате осмысления практического опыта деятельности в сфере, покрываемой концептом. Но ее принадлежность к интерпретационной зоне обосновывается тем, что утилитарные признаки – результат осмысления некоторых других, объективных признаков и свойств предмета или явления.

Регулятивная зона объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что следует и что не следует делать с концептуализируемым предметом или явлением в сфере, покрываемой концептом (когнитивные признаки, вербализуемые через *надо, не надо, нельзя* и под.). Например:

концепт *русский язык* – *его надо учить, надо говорить культурно*;

концепт *закон* – *надо охранять, надо соблюдать, наказывать нарушителей, нельзя нарушать*;

концепт *быт* – *надо поддерживать, должен быть удобным*;

концепт *зуб* – *надо вовремя лечить, надо регулярно чистить*;

В отдельных концептах выявляется *символическая зона* интерпретационного поля. Она содержит информацию о символическом восприятии (интерпретации) концептуализируемого явления в культуре.

Так, в концепте *береза, медведь, триколор* – символ России, *красный* – цвет революции, *шляпа, очки* – символ интеллигента и т.д.

В структуре концепта, кроме макрокомпонентов – образ, энциклопедическое поле, интерпретационное поле – вычленяются еще такие структурные компоненты, как когнитивные слои.

Под *когнитивным слоем* концепта понимается совокупность признаков, отражающих сквозное членение содержания концепта по определенному когнитивному классификатору.

Слои пронизывают все содержание концепта, все его макрокомпоненты. Можно, к примеру, говорить об оценочном и неогночном когнитивных слоях (а также о позитивно и негативно оценочных слоях), о современном и историческом когнитивных слоях, о диспозициональном (вероятностные признаки) и ассертивном (утвердительные признаки) когнитивных слоях и др.

Исторический когнитивный слой, часто объективируемый паремиями, включает в себя когнитивные признаки, которые некогда широко обсуждались и получили поэтому языковые обозначения, но постепенно перестали быть значимыми и представляют собой теперь лишь исторический срез концепта, отражают своего рода когнитивную память народа. Сюда входят когнитивные признаки, объективируемые только устаревшими паремиями или устаревшими словами и фразеологизмами.

В целом признаки, вычленяемые из паремий, могут входить как в энциклопедическое, так и в интерпретационное поле, но их релевантность для современного языкового сознания должна быть верифицирована, в противном случае они будут входить только в исторический слой концепта и их нельзя будет признать элементами современного языкового сознания.

Так, в концепте *жена* устарел признак *жену надо бить* (люби жену как душу, трясги ее как грушу), в концепте *брань* – *надо терпимо относиться к брани* (брань не дым, глаза не выест) и др.

Современный когнитивный слой объединяет когнитивные признаки, присущие современному когнитивному сознанию народа.

Оценочный когнитивный слой включает в себя как признаки оценочной зоны (хороший/плохой, красивый/некрасивый, приятный/неприятный, добрый/злой, умный/глупый), в содержании которых оценка преобладает, так и когнитивные признаки из других зон, в которых оценка содержится как дополнительная характеристика признака (незаконный, справедливый, скучный, богатая история, интересный, знаменитый и под.).

Наличие в структуре концепта объемного оценочного слоя позволяет говорить о высокой степени оценочности концепта (положительной или отрицательной). Так, в концепте *брань* оценочных когнитивных признаков из общего количества (118) выявлено 58.

Диспозициональный (вероятностный) слой включает в себя когнитивные признаки, которые выделяются как вероятные, возможные (*бывает, может быть...*). Например, концепт *вода* – *бывает голубая, в воде бывают вредные бактерии*.

Ассертивный слой – признаки утвердительного, не-вероятностного характера: *большой, современный, высокий, интересный, широко распространен* и под.

Для того или иного когнитивного слоя концепта может быть определена акцентуация. Под *акцентуацией* понимается доминирование в структуре концепта того или иного когнитивного слоя.

Например, преобладание положительной или отрицательной оценки свидетельствует о позитивной или негативной *акцентуации* содержания концепта; показатели акцентуации существенно различаются в разных концептах, а в одном концепте - у разных профессиональных, возрастных, гендерных групп носителей языка.

При этом отметим, что целесообразно учитывать не только долю оценочных когнитивных признаков того или иного когнитивного слоя, но и их яркость в структуре концепта. К примеру, негативно-оценочных признаков может быть много, но они выделяются в сознании небольшого числа испытуемых, поэтому они не будут играть существенной роли в концепте как единице национальной концептосферы. И наоборот, оценочных признаков может быть немного, но их яркость может быть очень велика (например, в концептах *родной язык, русский язык, французский язык*).

Суммируя отдельно индексы яркости всех позитивно-оценочных, всех негативно-оценочных и всех неоценочных признаков, мы получим реальную картину оценочной акцентуации концепта. То же самое может быть сделано для диспозиционального и исторического слоев концепта.

Важным этапом описания концептов является установление индекса яркости каждого выделенного когнитивного признака.

Индекс яркости когнитивного признака можно определить четырьмя основными способами.

- По результатам психолингвистических экспериментов: как доля (процент) испытуемых, объективировавших данный признак в эксперименте, от общего числа испытуемых. Это прямой индекс психологической яркости когнитивного признака, он наиболее точно отражает состояние языкового сознания испытуемых. Вычисление индекса яркости когнитивного признака от общего числа испытуемых наиболее надежно в психологическом отношении, так как отражает факт наличия или отсутствия того или иного признака в сознании каждого из испытуемых (см. работы Л.А.Тавдгидзе).

- По результатам психолингвистических экспериментов: как доля (процент) объективации когнитивного признака от общего совокупного числа объективаций когнитивных признаков концепта всеми участниками эксперимента (см. работы Л.В. Адониной). Это косвенный индекс психологической яркости признака. Он в большей степени учитывает число признаков, объективированных отдельными испытуемыми -

поскольку разные испытуемые в силу тех или иных субъективных или объективных причин дают разное количество реакций, то и подсчет индекса яркости от совокупного числа реакций всех испытуемых оказывается поэтому более подверженным субъективному фактору, это более субъективная величина (хотя, как показывает практика, эти данные коррелируют с данными по индексу яркости признака, получаемыми при подсчете индекса яркости от числа испытуемых, хотя косвенный индекс яркости обычно представлен значительно меньшими абсолютными цифрами).

- Путем количественного анализа номинативного поля концепта: как количество номинативных средств, объективирующих тот или иной когнитивный признак, к общему числу номинативных единиц поля: чем больше разнообразие языковых объективаций того или иного когнитивного признака, тем, следовательно, он важнее для когнитивного сознания, поскольку языковой коллектив считает важным актуализировать в номинации разные стороны соответствующего признака, отразив в различных номинациях эти разные стороны (см. работы С.С. Катукова, О.С. Фисенко).

- Путем анализа рекуррентности когнитивного признака – частоты его актуализации в тексте, что определяется относительной частотой употребления номинации концепта, актуализирующей данный когнитивный признак. Наиболее частотные номинации свидетельствуют о яркости актуализируемых ими признаков в когнитивном сознании народа, поскольку это означает, что данный признак часто становится предметом обсуждения. Яркость когнитивного признака определяется как доля его актуализации в тексте от всего корпуса употребленных в тексте номинаций концепта, актуализирующих всю совокупность коммуникативно релевантных когнитивных признаков.

Подчеркнем, что экспериментальные приемы определения индекса яркости когнитивного признака дают наиболее психологически релевантные и надежные результаты.

Индекс яркости того или иного когнитивного признака может быть выражен в процентах, десятичной дробью или абсолютной цифрой (обозначающей процент): 15%, 0,15 или 15. Выражение индекса в абсолютных цифрах удобнее, когда индексы яркости признаков невелики, с такими цифрами различия выглядят нагляднее.

Сравнение концептов по индексу яркости образующих их признаков позволяет разграничить близкие концепты, выявить особенности структуры концепта в социальном, возрастном, профессиональном, гендерном аспектах.

Полевая организация концепта

Концепты организованы по полемому принципу. Описание содержания концепта предполагает его полевую стратификацию, то есть вычленение ядра, ближней, дальней и крайней периферии.

При этом образные, энциклопедические и интерпретационные признаки могут входить как в ядро, так и в разные зоны периферии.

В ядро включаются наиболее яркие признаки концепта, в крайнюю периферию – признаки, выделенные 1-2 испытуемыми или представленные единичными примерами объективизации. Границы между разными зонами полевой структуры обычно проводят по линии частотных разрывов реакций испытуемых или частотности реализаций.

Многозначность ключевого слова и концепт

Важно иметь в виду, что не все выявляемые экспериментально признаки, полученные как реакция на один и тот же стимул, будут обязательно относиться к исследуемому концепту.

Так, в ассоциативном эксперименте со стимулом *язык* выявились признаки *длинный*, *красный*, которые не относятся к исследуемому концепту *язык (средство общения)*. Данные признаки появились в ответах испытуемых в результате того, что стимул *язык* многозначен и некоторые испытуемые актуализировали другие его значения – «манера общения» (у него *длинный язык*) и «мясистый орган во рту человека» (*красный язык*). Эти признаки не анализируются как компоненты исследуемого концепта, они относятся к другим концептам: *длинный (язык)* – к концепту «Манера общения», *красный* – к концепту «Орган пищеварения» и в описании концепта *язык как средство общения* не учитываются.

Появление соответствующих ассоциаций свидетельствует, что у данных испытуемых лексема *язык*, очевидно, не является средством доступа к концепту «язык (средство общения)»; очевидно, у них доступ к данному концепту осуществляется другими языковыми единицами, возможно, такими как *родной язык*, *иностраннй язык* и под.

Сопоставление концептов

Образ, энциклопедическое поле и интерпретационное поле выделяются во всех типах концептов, но их объем может существенно различаться в разных типах концептов. В некоторых концептах образные признаки занимают значительную часть содержания, среди них может быть много когнитивных образов, в других – когнитивные образы могут совершенно отсутствовать, а выявляются лишь перцептивные образы. В концептах высокого уровня абстракции (когнитивных категориях) образ обычно ослаблен и требует особых методов выявления, а энциклопедическое поле и интерпретационное поле достаточно объемны.

Энциклопедическое поле в разных концептах может весьма существенно различаться по объему. Это зависит от степени познания концептуализируемого явления общественным или индивидуальным сознанием.

Различается и зонное членение энциклопедического и интерпретационного полей. К примеру, регулятивные, мифологические, идентификационные зоны выделяются не у всех типов концептов.

Различаются соотношения ядра и периферии в концептах разных типов, а также соотношение отдельных зон периферии.

Подчеркнем, что четко разграничить три макрокомпонента концепта удастся далеко не всегда, поскольку многие когнитивные признаки, особенно полученные экспериментальным путем, допускают различную интерпретацию, многозначны единицы описывающего их метаязыка. Однако принципиальное разграничение данных трех макрокомпонентов концепта представляется нам несомненным.

Сравнение концептов по объему и удельному весу структурных компонентов концепта позволяет делать выводы об особенностях концептуализации действительности, отраженной в этих концептах, позволяет сравнивать концепты по структуре и устанавливать их когнитивную специфику, выявлять особенности социальной, возрастной, профессиональной, гендерной когнитивной картины мира носителей языка. Выявляется также национальная специфика концептов.

Экспериментальные методы изучения концептов позволяют осуществить формализованное сравнение содержания и структуры концептов по ряду параметров.

Ведущим формальным показателем для сопоставления концептов является яркость когнитивного признака и яркость отдельных макрокомпонентов и зон концепта.

В целом выраженная в процентах сумма объемов образного, энциклопедического и интерпретационных полей не будет составлять 100%, а всегда будет существенно больше, поскольку отдельные когнитивные признаки в разных макрокомпонентах концепта могут повторяться.

Внутри образного компонента некоторые признаки могут фиксироваться и повторяться как в перцептивном, так и в когнитивном образе, поскольку их языковые объективации допускают и то и другое понимание, например, в концепте *город* признак *мрачный* может быть отнесен и к внешнему виду некоторого города (когнитивный образ), и к внешнему виду населяющих его людей (перцептивный образ).

Один и тот же когнитивный признак может входить в разные структурные компоненты концепта – в образ, энциклопедическое и интерпретационное поле. Образный признак, например *Москва – зеленая*, может входить и в образ, и в энциклопедическое содержание концепта.

Внутри энциклопедического компонента концепта все выявленные для концепта когнитивные признаки распределяются между категориальной, дифференциальной, описательной и идентификационной зонами без остатка, в этих зонах признаки не могут совпадать (повторяться).

В интерпретационном поле оценочная, утилитарная, мифологическая и символическая зоны могут включать в себя признаки любых других структурных компонентов (образного и энциклопедического) концепта, в том числе и друг друга, то есть могут частично накладываться друг на друга.

Таким образом, процентная характеристика объема образного, энциклопедического и интерпретационного полей дает сведения об относительной яркости в структуре тех или иных аспектов концепта, и не является механической суммой признаков, которые должны в сумме составить 100%.

Релевантны для описания концепта относительная яркость разных компонентов и разных отдельных зон этих компонентов в концепте.

Сопоставительное описание топонимических концептов

Проиллюстрируем методику формализованного сопоставления содержания и структуры концептов на примере описания топонимических концептов методом направленного ассоциативного эксперимента.

Испытуемым – 50 студентам Ярославского ГПУ – было предложено записать три реакции на стимулы *МОСКВА* (какая?) и *ЯРОСЛАВЛЬ* (какой?).

Полученные ассоциаты были описаны методом когнитивной интерпретации (Попова, Стернин 2007) как когнитивные признаки концептов, объективированных стимулами. Всего было получено для концепта *МОСКВА* 39 разных когнитивных признаков, которые представлены 115 ассоциативными объективациями, для концепта *ЯРОСЛАВЛЬ* – 49 разных признаков, которые представлены 145 ассоциативными объективациями.

Сопоставление двух исследуемых концептов по формальным параметрам дает следующую картину:

Параметры концепта	«Москва»	«Ярославль»
Когнитивное разнообразие (количество когнитивных признаков)	39	49
Образное содержание		
Объем образного содержания	27,8 %	26,9%
Перцептивные образы	11,3%	15,2%
Когнитивные образы	16,5%	11,7%
Энциклопедическое поле		
Объем энциклопедического поля	67,7%	89,7%

Категориальная зона	6,9%	4,8 %
Дифференциальная зона	20%	19,3 %
Описательная зона	36,5 0%	44 %
Идентификационная зона	2,6%	15,8%
Мифологическая зона	1,7%	2%
Интерпретационное поле		
Оценочная зона	11,3%	20,7%
Утилитарная зона	41,7 %	6,2%
Символическая зона	-	-
Регулятивная зона	-	-
Когнитивные слои		
Неоценочный слой	18%	35,8%
Оценочный слой	82%	64,1%
Позитивно-оценочные признаки	19%	49,5%
Негативно-оценочные признаки	63%	14,5%
Оценочная акцентуация	негативная	позитивная
Диспозиционный слой	-	-
Ассертивный слой	100%	100%
Исторический слой	-	-
Современный слой	100%	100%
Полевая организация структуры концепта		
Объем ядра	35%	14,5%
Объем ближней периферии	31%	44,1%
Объем дальней периферии	22%	24,8%
Объем крайней периферии	11,3%	18,6%

Когнитивное разнообразие концепта *Ярославль* существенно выше, чем концепта *Москва*.

Если образное содержание концептов различается несущественно, то в концепте *Ярославль* существенно больше объем энциклопедического поля прежде всего за счет обширных описательной и идентификационной зон.

В интерпретационном поле сравниваемых концептов различия еще более существенные: в концепте *Ярославль* заметно слабее утилитарная зона, зато ярче мифологическая, этот концепт более оценочен, а его оценочная акцентуация позитивна в отличие от концепта *Москва*.

Полевая организация концептов также различается: в концепте *Ярославль* существенно меньше объем ядра, но больше объем ближней периферии. Все эти различия требуют когнитивной и социокультурной интерпретации.

Таким образом, при сохранении макроструктуры концепта – образ, энциклопедическое и интерпретационное поля – объем, удельный вес в концепте и

содержание каждого из этих компонентов варьируется в зависимости от конкретного типа описываемого концепта, что позволяет осуществлять многоаспектное сопоставление концептов разных типов.

Исследование и сопоставление концептов показывает, что близкие концепты в концептосфере могут объединяться в *концептуальные единства*. Задачей исследования является сопоставление концептов, концептуализирующих близкие явления и установление того, можно ли их считать одним концептом или же это разные концепты.

*Опубликовано в:
Язык и национальное сознание. Вып.10.
Воронеж: «Истоки», 2008. С. 4-23.
Приводится в сокращении.*